

М. ПЕТРУНКЕВИЧ

**СОБАКА
НА ПТИЦУ И ЗВЕРЯ
(УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЛЕГВАЯ)**

МОСКВА «ВСЕХОТСОЮЗ» 1930

М. Петрункевич, „Собака на птицу и зверя (универсальная легавая) „

Что такое универсальная легавая

Самым необходимым помощником человека на охоте является собака. Как происхождение собаки, так и начало ее сотрудничества в охоте теряются, в глубокой древности и в настоящее время не могут быть установлены даже приблизительно. Вероятно, первоначально число пород, применявшихся на охоте, было незначительно, но постепенно, применительно к разным способам охоты, удавалось выводить и новые породы охотничьих собак. Специализация получила здесь право гражданства, более, чем в какой бы то ни было другой области. Для каждого вида охоты была выведена особая порода.

Так, для непосредственной борьбы с крупными зверями выведены доги и меделяны. Для травли волков, лисиц, зайцев и некоторых других животных—б о р з ы е. Для преследования зверей по следу с гоним (голосом)—г о н ч и е. Для отыскивания раненого зверя по кровавому следу—и щ е й к и (специальные породы гончих, напр., ганноверские; баварские и др., которых приучают итти по следу на сворке). Для преследования зверей, проводящих большую часть времени в воде (выдра, норка)—выдровые собаки. Для гоньбы уток и прочей водоплавающей дичи из камышей и водяных зарослей—водяные спаниэли. Для разыскания места сидки затаившейся птицы и его указания посредством стойки—легавые. Для гоньбы птицы из колючих кустарников (фазаны)—сухопутные спаниэли. Для аппортирования убитой дичи—р е т р и в е р ы. Для травли барсуков в норах—таксы и фокс-терьеры. Наконец, для подлаивания птиц и зверей, притаившихся на деревьях, а также для остановки крупного зверя (напр., медведя), чтобы дать возможность охотнику улучшить момент для выстрела, - л а й к и.

Мало того, даже в каждой породе в отдельности стали специализировать собак особо по каждому виду зверя или птицы, так, напр., в Англии выведена так называемая оленья гончая (стаггаунд) для охоты на диких коз и оленей; лисогон (фоксгаунд) — для парфорсной охоты на лисиц; бигль и херхаунд—для охоты на зайцев и т. д.

Таким образом, для полного удовлетворения потребностей охоты пришлось бы содержать до дюжины пород. А если принять во внимание, что некоторые породы собак (борзые, гончие, спаниэли) работают парами, стайками и даже целыми стаями, то ясно, что для содержания полного комплекта охоты пришлось бы заводить огромные псарни с соответственным штатом специалистов. Поэтому вполне понятным является стремление создать такую породу собак, которая одна могла бы служить различным назначениям и избавить хозяина от необходимости содержать разнородных собак.

При выведении новой породы необходимо принять во внимание, что по наследству передаются не только внешние особенности родителей (их экстерьер), но и их внутренние качества (стойка, гон, подлаивание, острота чутья, зрения и слуха, интеллект и т. д.). Эти внутренние качества могут быть сначала случайными, но путем постоянной практики закрепляются в производителях, передаются по наследству и становятся принадлежностью новой породы или данной линии. Таким образом, в одной и той же породе могут быть одни линии, в охотничьем отношении никуда негодные, а другие линии сплошь выдающиеся полевики. При этом, в случаях выведения новой породы, путем скрещивания подходящих производителей данной породы и прилития крови в той или иной пропорции другой породы, не следует упускать из виду того обстоятельства, что всегда одни функции идут за счет других, так, напр., увеличение паратости у гончей (специально для парфорсной охоты) идет за счет чутья, что и имело место при выведении фоксгаунда, чутье которого и близко нельзя сравнить с чутьем пешей гончей св. Губерта и т. п. Вследствие этого универсальной охотничьей собаки, одинаково хорошо пригодной для всех родов охоты, быть не может, но некоторые качества разных пород могут совмещаться в одной породе, хотя и не в той степени, как у породы, специально предназначенной для данного вида или способа охоты.

Самой умной собакой среди охотничьих пород является легавая. Она же бесспорно наиболее поддается дрессировке и потому наиболее пригодна для достижения известной универсальности в работе. Но само собой разумеется, что работа некоторых пород для легавой невыполнима. Смешно говорить о травле барсука в норе, для чего пригодны только таксы и фокс-терьеры. Но выгонять на охотника уток из камышей, подобно спаниэлю, возможно с легавой. Находить убитых или раненых птиц в густых зарослях и приносить их, подобно ретриверу, может легавая. Гнать в голос зайца или козу, не останавливаясь, пока они не будут убиты (хотя бы гон продолжался целый день, как это способны делать хорошие гончие), конечно, для легавой невозможно, но подавать голос, подобно гончей, при полазе и доборе по зайцу, благодаря чему охотнику иногда удается перехватить его и застрелить,—вещь возможная. Находить раненую козу по кровавому следу, подобно ищейке, так же—вещь возможная. Подлаивать глухаря или куницу на дереве, подобно лайке—тоже.

Таким образом не противоречит здравому смыслу попытка приучить легавую к некоторым частям работы гончей, ищейки, ретривера, спаниэля и лайки без заметного ухудшения основной работы—легавой.

Мастера животноводства,—как а отношении усовершенствования существующей породы, так и выведения новых пород,—англичане, отказались от такой идеи. Вернее, им больше улыбалась специальная, доведенная до совершенства собака. Поэтому именно они создали для каждого рода охоты, а в отдельных случаях даже для каждого вида охоты на каждое отдельное животное, совершеннейших специалистов, с которыми никакая другая порода, более универсальная, конкурировать в их специальной области не может.

С другой стороны, столь же упорные в стремлении достигнуть поставленную себе цель, известные своею методичностью немцы попытались добиться от своей легавой более универсальной работы, как того требовали условия немецкой охоты. Преимущественно немецкие лесничие усовершенствовали как дрессировкой и охотничьей практикой, так и подбором подходящих производителей немецкую легавую.

Эти легавые хотя и уступают английским в быстроте нахождения птицы, особенно там, где ее мало (их чутье редко достигает той степени совершенства, какую приходится встречать у пойнтера или сеттера), тем не менее они выполняют работу легавой вполне удовлетворительно, так что даже имеют горячих поклонников, предпочитающих их английским легавым для охоты на лесную дичь. Кроме того, они прекрасно работают по уткам, отыскивают зайцев, догоняют раненых и приносят их, ищут по крованому следу раненых коз и оленей и подают голос, найдя их. Поэтому немцы называют свою легавую «гебраухсхунд», т. е. собакой, годной для разнообразного употребления. У нас же для нее принято название универсальная легавая.

Однако, благодаря особенностям охоты в Германии и бывшей Австро-Венгрии, немецкие, охотники естественно приспособили свою универсальную легавую применительно к этим особенностям. Эти особенности почти исключительно сводятся к нижеследующим видам охоты; по птице—на серых куропаток, фазанов и уток и отчасти на бекасов и по зверю—на русаков и на диких коз. Но так как охота по зверю с гончими там невозможна, благодаря экономическим и правовым условиям, то сообразно этому и универсальность их легавой носит весьма своеобразный характер. Там очень развита охота облавная. При этом способе охоты, в которой принимает участие значительное количество плохих охотников, бывает много подранков. Естественно, что немецкий лесничий ставит себе целью разыскать этих подранков. Содержать для этого ищеек и ретриверов в экономическом отношении ему невыгодно. Ясно, что он попытался приспособить к этому свою легавую. Далее всячески стараясь поднять доходность охотничьего хозяйства, лесничий ставил себе целью полное уничтожение хищников или вредителей этого хозяйства. Таким хищником в первую голову является лисица. При этом нужно принять во внимание, что ее мех по местным условиям в сравнении с дорогостоящей шкуркой северной лисицы представляет небольшую ценность, охота с гончими, по условиям допущения охоты лишь в определенных границах невозможна, охота с флажками по нашему псковскому способу за отсутствием снега неизвестна. Поэтому естественно было стремление научить легавую, причуяв лисицу, осторожно к ней подойти и с быстротой молнии догнать и задушить,

У нас—все наоборот. Облавная охота на зайцев запрещена, охота на диких коз, оленей и лосей по крайней мере в Европейской части СССР тоже запрещена, а лисица является ценным пушным зверем, которого много прибыльнее и умнее брать зимою по псковскому способу (или поздней осенью—по чернотропу с гончими). К тому же оба эти способа сами по себе являются первоклассными видами охоты. Таким образом, как раз те виды охоты с универсальной собакой, которые особенно ценит немецкий охотник, для русского охотника не имеют никакой цены.

Следует ли из этого, что нам нужно отказаться от мысли иметь универсальную легавую? Наши лучшие дореволюционные охотники так прямо и ставили этот вопрос, находя, что немецкая легавая для нас ничего не стоит. Однако, если вопрос видоизменить, если, отбросив все нам ненужное (в роде пресловутого удушения лисиц), попытаться создать универсальную легавую применительно к нашим русским условиям охоты, то я бы сказал, что это вопрос более чем своевременный. Нам крайне нужна собака, которая, удовлетворительно выполняя всю работу английской легавой, в то же время была бы хорошей собакой на уток, отчасти годилась бы для охоты на зайцев и подлаивала бы севших на дерево глухарей и тетеревей, а также белок, куниц и других мелких пушных зверей. Для некоторых частей Сибири, Дальнего Востока, Туркестана и Кавказа нужна также работа ищейки, так как там существует охота на оленей, лосей, горных баранов и козлов, диких кабанов и т. п. Острая нужда в такой собаке чувствуется как среди лесничих и лесников, так и у нового массового пролетарского охотника, которого я, однако, должен предупредить, что достижение универсальности в работе легавой требует не только терпения, выдержки и знания, но и массы свободного времени, так как без

этого хорошо натаскать легавую для универсальной работы—вещь совершенно невозможная. Лесники, по характеру своего труда и своих обязанностей, вполне могут взяться за это трудное дело и сослужить нашей русской охоте великую службу.

Дать основные указания в этом направлении, основываясь на немецких достижениях и применяясь к нашим условиям, является целью этого маленького руководства.

Породы

Основных пород немецкой легавой три: короткошерстая (курцхаар), длинношерстая (лангхаар) и жесткошерстая (раухаар).

В каждой из этих пород имеются еще подпороды или разновидности, рассматривать которые не входит в задачи данной брошюры. Остановлюсь лишь на последней породе, которая включает в себе три разновидности: иглошерстную (штихельхаар), проволочно-шерстную (драатхаар) и так называемого немецкого гриффона, которого не следует смешивать с французскими гриффонами и барбеттами.

В настоящее время особенно в моде короткошерстые легавые—курцхаары. Им подмешали кровь пойнтера, чем сильно повысили чутье и быстроту поиска. Однако недостатком курцхаара для нашей цели, подобно пойнтеру, является его зябкость, недостаточная приспособленность к суровым условиям охоты в нашем климате. Для утиной охоты и особенно для охоты по зверю поздней осенью длинная шерсть (и в частности жесткая шерсть) гораздо лучше предохраняет собаку от стужи и сырости, чем короткая. Поэтому для целей универсальной охоты наиболее подходящей породой является жесткошерстая, всех трех разновидностей.

Иглошерстная легавая Основной породой жесткошерстой легавой (раухаар) является и г л о шёрстая легавая (штихельхаар). Главное ее отличие от более известного курцхаара заключается именно в ее длинной и жесткой псовине, которая становится короткой только на голове и ушах. Зато морда украшена длинными щетинистыми усами и бородой. Масть большей частью коричнево-седая с большими коричневыми пятнами; впрочем, попадаются собаки чисто-каштановые, с белой грудью. М. Д. Менделеева-Кузьмина находит сложение иглошерстой легавой весьма несовершенным: «Слабоватая спина, неглубокая грудь, коротковатые лопатки характеризуют эту породу». Тем не менее количественно она настолько превышает остальные разновидности, что с нею все еще приходится считаться.

Несравненно лучше сложены гриффоны Кортальса, названные так по фамилии заводчика, улучшившего эту породу. Похожие окрасом на иглошерстных, они отличаются гораздо более длинной шерстью, с мягким подшерстком.

С более короткой шерстью, чем у гриффона, и притом имеющей некоторое сходство с проволокой, кофейного или кофейно-мраморного окраса, драатхар, за последние годы стал решительно вытеснять штихель-хаара и гриффона, так как, будучи хорошего телосложения, на испытаниях получал все первые призы. Впрочем, возможно, что это было делом случая, и потому было бы преждевременно совсем забросить иглошерстную легавую и гриффона.

Четвертую породу так называемого пудель-пойнтера я оставляю без рассмотрения. Хотя среди них могут попадаться отдельные выдающиеся по работе экземпляры но эта порода далеко неустановившаяся. Пока-что осторожнее говорить вообще о жесткошерстой легавой, понимая под этим все три разновидности и противопоставляя их короткошерстой и длинношерстой легавой, К сожалению, именно жесткошерстных легавых у нас менее всякой другой породы. Нужно надеяться, что охотничьи организации возьмут на себя инициативу выписки из Германии нескольких первоклассных производителей обоого пола этой превосходной породы, единственной, действительно пригодной для универсальной работы, в суровых условиях северного климата, и положат начало ее распространению среди русских охотников.

Дрессировка

Как уже мною было отмечено, из всех пород охотничьих собак наибольшей одухотворенностью отличается легавая, особенно немецкая. Поразительным является ее самообладание и способность подавлять в себе самые законные проявления инстинкта и страсти. В этом отношении она может посрамить многих и многих людей. Но ее природный ум, передаваемый по наследству из поколения в поколение, поднимается на еще большую высоту, благодаря последовательному развитию, достигаемому немецким методом дрессировки.

Английский метод дрессировки легавой базируется более на использовании инстинкта, чем на развитии интеллекта, являясь не столько методом дрессировки, сколько методом натаски. Главное—это достаточное количество птицы и постоянное упражнение в процессе самой охоты. Вся дрессировка сводится лишь к запрещению самых элементарных и недопустимых пороков: гоньбы за улетающей птицей, разрывания и порчи убитой птицы, праздного убегания за 0,5-километра от охотника и т. п. Все же положительные требования проистекают непосредственно из развития инстинкта и правильного его направления. Например,

широкому и быстрому поиску галопом английскую легавую обучать почти не приходится, можно лишь руководить им.

Иначе обстоит дело, когда задаются целью воспитать собаку для универсальной работы. Тут все сводится к развитию интеллекта и усвоению самых разнообразных приемов и заданий, далеко выходящих за пределы общего инстинкта легавой. Поэтому натаске должна предшествовать продолжительная и методическая дрессировка, отличающаяся весьма разнообразными требованиями; натаска же естественно не только сохраняет такую же роль, как и в английской дрессировке, но, соответственно поставленной разнообразной цели, требует еще большего внимания и времени, чем предварительная дрессировка. Умение обращаться с животными, терпение, выдержка, спокойствие, методичность, всестороннее и глубокое знание охоты и наличие свободного времени,—вот элементы, без которых невозможна дрессировка легавой, предназначенной для универсальной работы. Таков немецкий метод дрессировки.

Некоторые дрессировщики, напр., известный Оберлендер, рекомендуют держать щенка на улице и начинать дрессировку не моложе годовалого возраста. Само собой разумеется, что справиться с таким взрослым разгильдяем возможно только при помощи здорovenного хлыста. Ужас перед дрессировщиком является основным, если не единственным стимулом повиновения.

Я никоим образом не могу разделить такого взгляда. Постоянное пребывание щенка с самого раннего детства со своим хозяином, ласковое воспитание, с того момента, как он откроет глазенки и начнет ползать на еще не окрепших ножках, является лучшим залогом успеха. Щенок незаметно и неукоснительно привыкает во всем повиноваться своему воспитателю и готов отдать за него свою жизнь. Он не только охотно исполняет приказания, но и угадывает каждое желание своего хозяина. Само собой разумеется, что любовь и ласка должны совмещаться с спокойной строгостью и разумной требовательностью. Такая точка зрения в последнее время стала проводиться и в немецкой литературе, найдя свое выражение в лучшем руководстве по дрессировке универсальной легавой Хегендорфа «Гebraухунд».

Ложный взгляд на выгоды позднего начала дрессировки, может, быть, проистекает из совершенно ложной предпосылки, что вслед за окончанием основных уроков комнатной дрессировки должна немедленно начинаться натаска. Натаска, разумеется, должна начинаться в более позднем возрасте, т. е. не ранее года (*Английские породы более скороспелы, чем немецкие, и могут натаскиваться уже 9-месячными щенками*), когда собака уже дает себе ясный отчет в серьезности окружающего, но это никоим образом не может обуславливать позднего начала дрессировки.

Таким образом, если не со дня рождения щенка, то во всяком случае с месячного возраста должно начинаться воспитание щенка, незаметно переходящее сперва в комнатную дрессировку и затем в дрессировку поле и в лесу. Твердое усвоение каждого урока и безупречное, отчетливое его выполнение должно неуклонно длиться с постоянными его повторениями вплоть до начала натаски; последняя, благодаря приобретенной привычке щенка к полному повиновению, протекает гораздо легче, сознательнее и успешнее.

Итак, фундаментом дрессировки я считаю общее воспитание щенка. Начинается оно с приучения щенка к своему имени. Принося пищу, хозяин зовет щенка по имени, с прибавлением слов «поди сюда» и ставит миску на пол. Когда щенок привыкнет идти на зов, следует сопровождать вышеуказанные слова легким свистом. Этим путем щенок легко усваивает тождество понятий «поди сюда» и свиста. Через несколько дней нужно позвать щенка не в обычное время еды и не принося миску. Если щенок прибежит на зов, его тотчас же следует поласкать и наградить лакомством. Применяя такие награды, нужно добиться того, чтобы щенок мгновенно шел на зов или свист, т. е. был п о з ы в и с т. Позывистость является началом для развития общего и беспрекословного повиновения, которое немцы называют «а п п е л ь» или «а п п е л и с т о с т ь». У нас это слово часто понимают узко, именно как синоним позывистости, но немцы употребляют его в более широком смысле, как мгновенное исполнение всякого приказания. Поэтому и я буду употреблять слово «а п п е л и с т о с т ь», следуя немецкому пониманию.

Первые уроки воспитания легавой, предназначенной для универсальной работы, конечно, ничем не отличаются от уроков по обычному английскому методу.

Дальнейшим шагом воспитания является приучение щенка к чистоте. Некоторые щенки очень легко и быстро сами перестают пачкать и, почувствовав естественную надобность, пищат, чтобы их выпустили на улицу. Но в большинстве случаев приходится щенка стыдить и даже прибегать к розге, лучше всего тоненьком у березовом пруте. Щенка берут за шиворот, тычут носом в напачканное место и, приговаривая: «просись, просись», стегают прутеком и выбрасывают на улицу. Однако, самое лучшее средство—это стараться во-время замечать

естественный позыв щенка и тотчас выводить его на улицу со словами: «иди гулять, гулять». Таким образом щенок легко приучается к соблюдению чистоты.

В дальнейшем, приступая к более систематической дрессировке, следует уяснить себе характер ученика и прибегать к тем или иным мерам воздействия применительно к его характеру. На одного приходится действовать исключительно лаской и поощрениями в виде лакомства, другого приходится стыдить словами, по отношению к третьему прибегать к розге. Основным правилом в течение всей дрессировки должно служить то обстоятельство, что каждый урок должен быть по возможности прост и доступен пониманию щенка. Необходимо убеждаться в том, что щенок его действительно понял, и добиваться вполне отчетливого и безупречного его исполнения. Начинать новый урок можно только после того, как щенок вполне усвоит пройденный урок. Сперва занятия с учеником должны быть очень короткими, постепенно продолжительность занятий все увеличивается, однако, никогда не должно утомлять ученика. Само собой разумеется, что эти замечания относятся к позднейшей стадии уроков, когда щенку минет месяцев четыре или пять, а первоначальные уроки не выходят из сферы занимательного препровождения времени. Уроки можно производить в любое время дня, но только не немедленно после принятия пищи, т. к., по старинной пословице, — «сытое брюхо к учению глухо».

Первым таким уроком, с которого можно начинать преподавание в возрасте около трех месяцев, является усвоение понятий «тубо» и «пиль». Поставив на пол миску с кормом, берут щенка, порывающегося к корму, за шиворот и оттаскивают его от чашки со словами «тубо» или «нельзя». Подержав щенка несколько мгновений, затем отпускают его со словами «пиль» или «возьми». Через несколько дней щенок вполне усвоит понятие «тубо» (нельзя) и «пиль» (возьми) и по слову «тубо» будет стоять перед едою, ожидая разрешения есть по слову «пиль». Эти уроки необходимо повторять при каждой еде, т. е. не только при обычном кормлении, но и при каждом угощении каким-нибудь лакомством. Благодаря этому, понятия «тубо» и «пиль» входят в постоянный обиход жизни щенка и служат как бы фундаментом послушания.

В этом же возрасте и вне зависимости от предыдущего урока начинают приучать щенка к ошейнику и цепочке. Ошейником может служить самый легкий ремешок, так как все равно щенок его скоро перерастает. К ошейнику щенок привыкает очень быстро, так как не испытывает, собственно говоря, ни малейшего стеснения или неприятности.

Иначе обстоит дело с цепочкой. Приучить щенка хорошо ходить на цепочке, не натягивая ее и не давясь, — дело очень нелегкое и требующее длительного времени. Тут нужно вооружиться терпением, ибо только таким путем удастся преодолеть упорное нежелание щенка подчиниться стеснительному маршированию рядом с хозяином. Само собой разумеется, что за хорошее исполнение следует награждать каким-нибудь лакомством; благодаря которому цель достигается гораздо скорее, чем побоями.

Когда щенку дают лакомый кусочек, нужно следить за тем, чтобы он не хватал его, а брал бережно. Этого достигают тем, что, давая кусочек из рук, говорят: «тихо» и позволяют взять только в том случае, если щенок берет действительно осторожно.

Когда щенок привыкнет к цепочке, весьма полезно на какие-нибудь полчаса оставлять щенка принудительно лежать на его постели, прикрепив цепочку к кольцу, ввинченному в стену над постелью. Иногда посаженные на цепь щенки начинают скулить. От этой скверной манеры необходимо щенка отучать. Легче всего это достигают тем, что щенка сажают на цепь за полчаса до обычной кормежки. Если щенок ведет себя хорошо, его хвалят и ускоряют дачу корма; наоборот, при худом

постелью может служить мешок, набитый соломой. поведении его стыдят и не дают корма. Щенок начинает понимать невыгоду писка и сидит смирно в ожидании еды. Это чрезвычайно важный пункт дрессировки, часто упускаемый из виду неопытными дрессировщиками, а, между тем, он оказывает сильное влияние на психологию собаки, приучая ее к послушанию.

Обычно каждый щенок чрезвычайно любит свою постель. Поэтому новый урок — «на место» — не представляет ни малейшего труда; нужно только каждый раз, когда щенок сам идет на свою постель, повторять слова: «на место». Через несколько дней нужно попробовать приказывать щенку итти на место, когда он не собирается туда итти. Вероятно, он не пожелает повиноваться, хотя и поймет приказание. Тогда его нужно взять за ошейник, отвести на постель, приговаривая: «на место», и уложить со словами «даун» или «ляг». Но это еще не есть урок ложиться по приказанию, а лишь предварительное ознакомление с этим словом.

Когда щенка берут на прогулку, всегда следует говорить «пойдем гулять». Щенок усвоит значение слова «гулять» и будет выражать свою радость, слыша его. Вообще, чем больше со щенком разговаривают, тем больше он понимает человеческую речь и тем благотворнее это действует на развитие его интеллекта.

Прежде чем приступить к систематическому уроку «даун», следует научить щенка садиться по команде «сядь». Само собой разумеется, что сперва приходится посадить щенка

насильственно, приговаривая «сядь». Когда щенок наконец сядет, его ласкают и угощают лакомством. После этого он охотно будет садиться в ожидании лакомства.

Хотя щенок уже ознакомился с понятием «даун» или «ляг» при укладывании его на место, но это ознакомление пока носит характер лишь понимания смысла этого слова, весьма далекое от той первостепенной важности, которую этот урок имеет в общем балансе всего курса дрессировки. Наиболее легкий способ научить щенка ложиться по приказанию заключается в том, что к этому уроку приступают незадолго до кормления щенка. Когда еда готова, а щенок проголодался и с вожделием ее ждет, ему говорят «даун» (или «ляг») и, взяв щенка за ошейник, укладывают у миски с едой. Щенок, разумеется, не пожелает лежать, но тогда его придерживают рукою, приговаривая: «лежать, лежать». В таком положении его удерживают некоторое время, а затем снимают руку со словами «ну, встань, иди есть» или просто «пиль». После нескольких таких уроков приступают к обучению «даун» без всякого отношения к еде щенку говорят «даун» и смотрят за тем, чтобы он не только лег мгновенно, но еще и в определенной позе, т. е. положив голову между лапами. Само собой разумеется, что щенка приходится так укладывать самому, приговаривая «даун». Затем отходят на несколько шагов, продолжая повторять «даун». Если щенок поднимет голову, нужно на него прикрикнуть:

«Это что такое! Даун!». Окрик обычно действует, и щенок мгновенно прижимает голову к земле. Но если он не слушает, приходится повторить урок сначала. При явном непослушании можно слегка ударить хлыстом, Зато при хорошем исполнении урока следует наградить лакомством. Наказание хлыстиком при уроке «даун» в том отношении хорошо, что избежать наказания хлыстом или плеткой в течение всего дальнейшего курса дрессировки вещь, конечно, невозможная, а между тем у напроказившего на расстоянии щенка часто появляется счастливая—мысль улепетнуть, и таким образом, избежать наказания. Затронув этот вопрос, весьма кстати упомянуть, что очень многие, даже не совсем неразумные охотники, попав в глупое положение, когда ожидающая наказания собака разгуливает на некотором расстоянии, не подходя к рукам, начинают ее манить ласковым голосом или даже показывают ей лакомый кусок, когда же собака, в уверенности, что ей прощен ее проступок, доверчиво подходит к рукам,—хватают ее за ошейник и начинают ее тужить чем ни попало. Такой образ действия никуда не годится. Обман и ложь всегда и везде вещь скверная, а в дрессировке они приводят лишь к тому, что собака, вместо повиновения, вовсе отбивается от рук. Однако, вернемся к «даун».

Итак, при уроке «даун» необходимо добиться того, чтобы щенок, где бы он ни находился, услышав приказание «даун», мгновенно ложился и при том в вышеуказанной позе и лежал бы так до разрешения встать.

Урок «даун» непременно соединяется с поднятием вверх руки, которое в сознании щенка должно означать то же, что слово «даун». Так как безукоризненное выполнение «даун» при всяких обстоятельствах является самым важным пунктом всей дрессировки, то необходимо повторять этот урок, то одновременно говоря «даун» и поднимая руку, то употребляя оба способа приказания лечь—порознь. На охоте замена слов жестами бывает иногда необходима. Первые уроки «даун» должны длиться лишь несколько секунд, после чего щенку кричат «сюда» и одновременно машут рукой совершенно так, как этим жестом зовут людей. Когда щенок подбежит, ему дают лакомый кусочек. Этот жест, как и зов «сюда», точно так же должны быть преподаны щенку и одновременно и порознь. Это правило нужно помнить вообще по отношению ко всем жестам, какие могут употребляться на охоте.

Постепенно урок «даун» должно повторять не только в комнате или ином закрытом помещении, но и на прогулке. Это касается вообще всех дальнейших уроков, так как мнение, что комнатная дрессировка должна производиться исключительно в закрытом помещении, чистейший предрассудок.

Упражнения «даун» должно производить каждый день, при чем нужно добиться того, чтобы щенок терпеливо оставался лежать, а дрессировщик уходил от него все дальше и дальше, в конце концов даже скрываясь из глаз. Как только раздастся призывный свист, щенок должен мчаться на зов хозяина.

Здесь будет кстати упомянуть, что при призыве щенка свистком всегда нужно свистеть с такою силой, чтобы свист, будучи слышен, не был чрезмерно пронзителен, так как последний приучает щенка недостаточно внимательно относиться к свисту, вероятно, в уверенности, что его отовсюду слышно. Между тем, слабый свист приучает щенка относиться к нему с большим вниманием. Весьма полезно приучить щенка одинаково итти как на свист свистком, так и на свист губами. Свисток следует употреблять только для более дальних расстояний

Всестороннее обучение «даун» требует много времени. Пока оно будет доведено до конца, его можно разнообразить некоторыми вводными уроками, не требующими такого напряженного повиновения, как урок «даун». Я имею в виду обучение щенка подаче голоса по приказанию. Главное—это добиться того, чтобы щенок понял, чего от него хотят.

Первый урок следует приурочить к моменту кормления. Когда щенок изрядно проголодается, берут в руку кусок мяса и показывают щенку, который, естественно, потянется к мясу. Но руку следует тотчас же отдернуть со словами: «подай голос». Если раззадоренный щенок выразит свое нетерпение лаем, то его следует похвалить; «молодец, хорошо» и дать самый маленький кусочек мяса. Когда это его еще больше раззадорит, нужно снова сказать: «Ну, еще раз подай голос! Голос! Голос!». Весьма вероятно, что щенок снова залает, и тогда его немедленно нужно похвалить и снова дать ему лакомый кусочек. А затем снова сказать: «Ну, еще раз подай голос», и в случае успеха снова дать кусочек лакомства. В конце концов щенок поймет, что слова «подай голос» означают требование залаять. Это требование для него настолько легко выполнимо, что раз он его поймет, то и будет охотно выполнять. Однако, часто случается, что щенок никак не может догадаться, что слова «подай голос» означают столь обычный ему способ выражения его чувств. Видно, что он силится понять, чего от него хотят добиться, и не может. Тогда нужно самому залаять «гау, гау». Это наглядное звукоподражание действует без промаха. Щенок всегда ответит тем же. Тогда его мгновенно нужно похвалить и дать лакомство. А затем снова приказать: «дай голос». Таким способом легко научить щенка подавать голос по требованию.

Добившись от щенка подачи голоса вышеизложенным способом, следует по нескольку раз в день предъявлять щенку это требование, чтобы он не только его не забывал, а, наоборот, все более и более усваивал до того времени, как можно будет приступить к применению подачи голоса по кошкам.

Предметом последующего урока будет усвоение понятий «вперед» и «назад». Проще всего сделать это во время прогулки. Щенка берут на цепочку, приказывают лечь, а затем говорят: «Встань! Вперед!» и ведут вперед на цепочке, все время повторяя «вперед». Несколько раз, укладывая щенка и затем повторяя «вперед», быстро достигают полного понимания этого слова.

Также легко дается щенку понятие «назад». Для этого, вместо цепочки, привязывают к ошейнику длинный тонкий шнурок, чтобы щенок мог отбежать подалее. Когда он побежит вперед, ему кричат «назад» и одновременно тянут за шнурок, приговаривая: «Назад! Назад». Когда он поймет, что от него требуется,—его угощают лакомым кусочком. Это средство действует так хорошо, что можно отвязать шнурок и добиться аккуратного выполнения урока уже на свободе.

Немецкие дрессировщики обычно соединяют обучение «вперед» и «назад» с ползанием на животе и придают этому уроку большое значение. Желаящие могут научить своего щенка ползти на брюхе, когда ему скажут «ползи», но я не вижу в этом особой практической надобности.

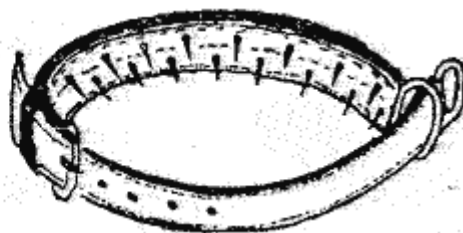
Иначе дело обстоит с прыганьем. Прыжок, во-первых, развивает мускулатуру и, во-вторых, часто бывает весьма полезен на охоте. Первый урок заключается в том, что поперек открытой двери или между двумя стульями ставят доску такой высоты, чтобы щенок мог ее легко перепрыгнуть. Взяв щенка на веревку, идут с ним к доске, шагают через нее и одновременно тянут щенка со словом: «гопп!». Обычно щенок перепрыгивает через доску, сразу поняв, что от него требуется, за что и получает лакомый кусочек. Если он упирается и не хочет прыгать, то ему помогают и насильственно заставляют перепрыгнуть, поощряя: «ну, гопп!». В конце концов щенок исполняет требуемое и с удовольствием начинает прыгать. Теперь все дело заключается в том, чтобы постепенно увеличивать высоту и длину барьера. Затем точно так же приучают щенка прыгать через канавы и ручьи. Щенку такое занятие очень нравится, и постепенно можно достигнуть изумительных результатов.

Принадлежности дрессировки и уроки аппортирования

Прежде чем перейти к дальнейшим урокам, скажу несколько слов о необходимых принадлежностях дрессировки.

. 8. Ошейник.

. 9. Парфорс.

1) Ошейник. Он должен быть не круглый, как обычно продают под названием: удавки, а широкий, толстый, плоский, превращающийся точно так же в удавку, как и круглый, но гораздо

более прочный и удобный.

Его можно изготовить у любого шорника, согласно рисунку 8, и пользоваться им то как ошейником, то как удавкой.

2) Парфос (рис. 9). Это совершенно такой же ошейник, но со вставленными в кожу гвоздями. Если в моей брошюре «Как самому натаскать легавую» я нахожу употребление парфорса излишним, то это касается только сравнительно простой натаски для обычной охоты по птице. Для подготовки собаки к универсальной охоте потребуется затратить меньше времени при употреблении парфорса, чем без него. Поэтому здесь возражать против парфорса не приходится..

3) Кожаный хлыст (рис.

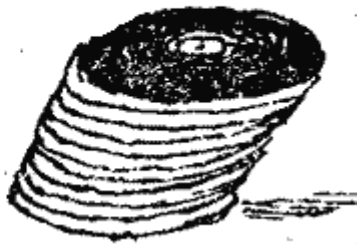
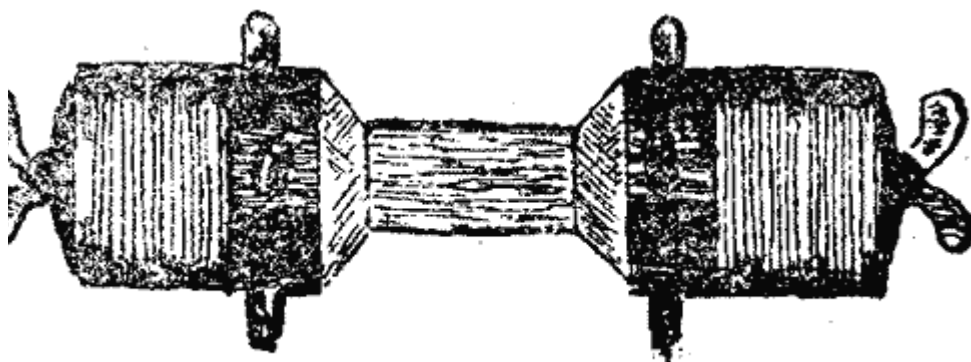
10). Хотя в настоящее время его достать трудно, но он настолько лучше обычно употребляемой плетки,

. 10. Хлыст

что я помещаю его рисунок, чтобы познакомить с ним читателей.

4) Поноска (рис. 11). Такая поноска нужна для того, чтобы можно было постепенно увеличивать ее вес, надевая металлические круги. Но так как в настоящее время ее тоже купить нельзя, то каждому охотнику придется самому придумать, чем ее заменить.

. 11. Поноска.

собаки, причиняя ей ранения, ремень же никогда.

6) Свисток .

7) Бубенчик.

Все, изложенное в предыдущих уроках, длится, примерно, до полугодового возраста, когда можно начать более длительные и серьезные занятия со щенком.

Если в упомянутой мной моей брошюре «Как самому натаскать легавую» я рекомендовал обучать щенят аппортированию как бы шутя, имея в виду, что добрая половина английских легавых впоследствии, следуя своей природе, может отказаться аппортировать дичь, то такой метод совершенно неуместен по отношению к немецкой легавой, которая беспрекословно должна аппортировать все, что прикажет хозяин. Не говоря об удобстве аппортирования на охоте, самые уроки оказываются особенно ценными для развития послушания.

Начинают урок следующим образом. Надев на ошейник ремень (или сворку), следует сесть на стул и подзвать щенка словами: «поди сюда». Если он не сразу подошел, то его следует притянуть за ремень. Затем сажают щенка между своими ногами, берут мягкую поноску (перчатку, мячик, свернутую тряпочку и т. п.), разжимают щенку рот и вкладывают туда поноску со словами «возьми» или «пиль». При этом рот слегка зажимают, чтобы щенок не мог

5) Ремень. Он должен быть из толстой и твердой кожи, какая употребляется для упряжи и состоять из двух или даже трех частей по два метра каждая, пристегивающихся одна к другой, а первая часть к ошейнику при посредстве либо пряжки, либо карабина,— последнее, конечно, удобнее. Если изготовить такой ремень нельзя, то можно пользоваться и обыкновенной веревкой, но веревка вечно запутывается за кочки и кустарники, а также за ногу

выбросить поноску. Подержав так несколько мгновений, говорят «отдай» и вынимают поноску изо рта. Этот урок следует повторять несколько раз в день, пока щенок не научится самостоятельно брать поноску из рук при слове «возьми» и отдавать при слове «отдай». За хорошее исполнение урока нужно, конечно, награждать лакомством. Так как эти уроки чрезвычайно скучны для щенка, то они должны быть как можно короче, а в остальное время следует повторять прежде пройденный урок. Постепенно нужно делать урок держания поноски более длительным, при чем щенок должен держать поноску довольно долго без придерживания дрессировщиком до того момента, пока ему не скажут «отдай». Отдавать он должен немедленно и мягко.

Когда щенок научится брать и отдавать поноску вполне отчетливо, приступают к самому уроку аппортирования. Поноску кладут на пол в нескольких шагах от щенка. Затем, взяв щенка за сворку, говорят ему: «вперед». Если он идет к поноске, то его ласкают, в противном случае насильственно подводят к ней. В обоих случаях говорят «пиль, аппорт» и, когда щенок возьмет поноску, тянут его к себе, ласково повторяя: «аппорт, аппорт». Когда он принесет поноску, говорят «отдай», ласкают и дают лакомство.

Эти уроки обычно нравятся щенку, и поощряемый лакомством, он начинает аппортировать очень охотно. В дальнейшем эти уроки повторяют уже без сворки и все увеличивая расстояние, при чем, то предварительно кладут поноску на определенное место, то бросают ее. Когда поноску бросают, нужно следить за тем, чтобы щенок не бросался за нею, сломя голову, а терпеливо ожидал слов: «пиль, аппорт». Первое время щенок, конечно, не будет ожидать этого приказа. Тогда придется повторить урок, надев парфорс и ремень. Лишь только щенок бросится за летящей поноской, ему кричат: «сст» или «тсс» (*Кому как нравится. Немцы иногда говорят еще «пст».*) и одновременно дергают за ремень. Парфорс больно уколует щенка и заставит его остановиться. Тогда ему ласково говорят: «Ну, теперь, пиль, аппорт». Когда щенок исполнит требуемое и по слову «отдай» отдает поноску, его ласкают и дают лакомство. Этот урок нужно повторять много раз, пока щенок не усвоит совершенно твердо, что он не должен бросаться до разрешения или, лучше сказать, приказа взять поноску, а затем, пока он не усвоит значения звука «сст», равнозначного словам «тубо» или «нельзя». Этот звук «сст» чрезвычайно удобен на охоте, так как слышен даже в виде шопота чрезвычайно отчетливо, чего нельзя достигнуть словами «тубо» или «нельзя». Поэтому его следует употреблять постоянно, чередуя со словом «тубо», чтобы оба необходимейших термина были усвоены щенком для немедленного исполнения.

Во время уроков аппортирования следует повторять многое из уже выученного. Поноску бросают подальше. Заставляют щенка терпеливо ждать разрешения «пиль, аппорт». После этого на полдороге кричат «даун». Продержав некоторое время, говорят «вперед». Когда он продвинется вперед, ему снова кричат «сст», заставляют итти назад и т. д. Одним словом одновременно с практикой аппортирования повторяют весь предыдущий курс дрессировки, и собака приучается к безупречному повиновению. Затем мягкую поноску нужно заменить специальной, которая изображена на рис. 11, ежедневно увеличивая ее тяжесть. Ни в коем случае нельзя позволять щенку баловаться с поноской, а тем более не отдавать ее, вопреки приказанию «отдай», к чему щенки очень склонны. Точно также щенки склонны бросать поноску, не донеся ее до хозяина. Если этот порок будет повторяться, то прибегают к вспомогательным ремням. С боков поноски ввинчивают кольца, сквозь которые продевают ремешки, и когда щенок бросит поноску, его бранят, подводят к поноске, заставляют ее взять, а если он не хочет, насильственно запикивают ему в рот и прочно прикрепляют ремешками через морду к ошейнику, так что щенок никак не может освободиться от неприятной поноски. В наказание его кладут на место и не раньше четверти часа освобождают от поноски. Эта неприятность в конце концов научает щенка уму-разуму гораздо лучше обычных побоев.

Когда щенок, наконец, научится безукоризненно аппортировать поноску, приступают к следующему уроку. Щенку приказывают лечь, затем на его глазах уносят поноску в соседнюю комнату и кладут так, чтобы щенок мог без всякого труда ее увидеть, перешагнув порог комнаты. Затем возвращаются и говорят: «потерял, ищи, аппорт». Услышав знакомое слово «аппорт», щенок бросается искать поноску и, разумеется, мгновенно ее находит и радостно приносит хозяину. Похвала и лакомство служат наградой.

Снова уложив щенка, нужно на этот раз спрятать поноску чуть-чуть дальше и затем, вернувшись, отчетливо повторить: «потерял, ищи, аппорт». Проделав этот урок раза четыре, следует его отложить до следующего урока, чтобы не переутомлять щенка.

В последующие уроки прячут поноску так, чтобы щенок не мог ее сразу найти. Этим пользуются для ознакомления щенка с понятием «ищи». Все время повторяя «ищи, ищи», незаметно подводят щенка к поноске, и, таким образом, он научается понимать слово «ищи». Когда он освоится с этим понятием, его приучают искать потерянную вещь по следам. Для этого нужно брать уже не поноску, а, напр., носовой платок. Щенка укладывают, показывают

ему носовой платок и уходят подалее. Можно даже выйти на улицу и бросить там платок за какое-нибудь прикрытие. Затем возвращаются по возможности другим путем, чтобы не перемешать своих следов и говорят щенку «ищи, потерял». Если щенок не идет по следу, то его направляют на след, показывают со словами: «тут, тут, ищи», и ведут по следу. В два-три урока щенок привыкает находить след и итти по нему до положенной вещи. После этого со щенком уже не идут, а предоставляют ему самому найти потерянный платок и принести его. С этого момента щенок начинает выполнять это задание очень охотно и безошибочно. Постепенно эти уроки переносят в лес и поле, увеличивая расстояние от сотни шагов до километра и более.

Приучать к воде щенка можно тогда, когда вода будет совсем теплой, т.-е. когда сам дрессировщик начнет купаться. Поэтому одних щенят приходится приучать к воде в возрасте пяти-шести месяцев, а других гораздо позже. Если возможно, то лучше всего начинать просто с луж. Тут щенок научится брызгаться, перестанет бояться воды и в большинстве случаев полюбит ее. Затем можно будет попытаться заставить его плавать. Проще всего воспользоваться собственным купанием. Войдя в реку или пруд, зовут щенка за собою. Уже привыкший к мелкой воде в лужах, щенок пойдет на зов и поплывет. На первый раз нужно сейчас же вылезти и приласкать щенка. Ни в коем случае не следует приучать щенка к воде бросая его на глубоком месте в воду. Иногда нервные собаки от этого получают отвращение к воде и становятся непригодными для утиной охоты.

Когда щенок вполне освоится с водой и будет охотно плавать, бросают в воду поноску и заставляют принести. Когда щенок вылезет из воды, отнюдь не следует позволять ему отряхиваться или бросать поноску на берегу. Щенок должен аккуратно приносить ее и отдавать хозяину, а затем уже может отряхиваться. Аккуратное выполнение этого правила безусловно необходимо, так как иначе щенок может привыкнуть бросать на берегу вытащенную им из воды утку, при чем это может случиться на противоположном берегу.

Весьма полезно научить щенка нырянию. Для этого привязывают к куску сырого мяса, которое собаки очень любят, небольшой плоский камешек и бросают его сперва на мелком месте в воду, чтобы мясо было видно. Получив приказание аппортировать, щенок охотно погружает морду в воду, приносит мясо и получает его в награду. Постепенно увеличивая глубину, приучают щенка к настоящему нырянию, соединенному с более или менее длительным исканием мяса на дне реки. После этого мясо заменяют любыми вещами. Дно, конечно, не должно быть илистым, так как иначе поиски становятся слишком трудными. Привычка к нырянию иногда бывает очень ценной на утиных охотах.

Любопытно, что привыкнув к нырянию, собаки иногда начинают относиться к нему со страстью. У меня был ирландец, для которого было самым большим развлечением нырять с берега под купальню, пролезать между стойками купального ящика и неожиданно появляться среди купающихся. На мой свист он таким же способом нырял обратно и с забавно довольной физиономией возвращался ко мне. Это был настоящий водяной спортсмен. Самым большим наслаждением было для него переплывать реку во время ледохода среди шума и грохота налезавших друг на друга льдин. Сперва я боялся, что льдины могут его затереть, но, оказалось, что он великолепно лавирует среди них. Выгонял он затаившихся уток из камышей мастерски. И, к сожалению, подобно многим своим соотечественникам, чувствовал непреодолимое отвращение к аппортированию птицы, хотя в то же время аппортировал вещи. Однажды осенью мой сын шел со своим товарищем поздно вечером по саду. Тьма была непроглядная. У товарища моего сына на быстром ходу зацепилась за ветку его шапка и свалилась с головы. Все поиски оказались тщетными, и они с грустью явились ко мне с просьбой испытать последнюю надежду и по слать на поиски моего «Бека». Я показал ему шапку ткнул пальцем в мальчика и велел искать. Через пять минут шапка была принесена.

Одновременно с обучением аппортированию из воды приучают щенка к езде на лодке, т. е. к тому, чтобы щенок осторожно входил в лодку и сидел как раз по середине или по приказанию лежал на дне лодки. Поездив несколько раз на хорошей лодке, необходимо перенести уроки в самый валкий челнок, так как часто приходится на утиных охотах ездить именно на так называемых «душегубках».

При стрельбе на берегу птица иногда может упасть на противоположный берег. Для многих собак эта задача более трудная, чем вытащить убитую птицу из воды. Поэтому нужно нарочно перебрасывать поноску через неширокую речку и заставлять щенка приносить поноску, переплывая реку. Точно так же следует нарочно выронить носовой платок или другую вещь недалеко от берега реки, через которую придется переехать на лодке. Переехав реку и как бы спохватившись, говорят щенку: «потерял, ищи» и показывают на противоположный берег. Щенок сообразит, что вещь потеряна на той стороне реки, переплывает через нее, пойдет по следу и принесет брошенный платок.

Кроме того, следует научить щенка прыгать с поноскою (увеличивая ее вес) через канавы и хотя бы небольшие изгороди. Иногда это бывает очень удобно на охоте.

Аппортирование птиц и мелких зверей. Анонс.

Предметы для аппортирования нужно разнообразить, чтобы собака приучилась приносить все, что потребуется; но затем необходимо перейти к убитым птицам— воронам, сорокам, ястребам и т. д. Кроме того, набить чучело зайца и заставлять собаку приносить это чучело, аккуратно беря его посередине.

Никогда не следует заставлять собаку аппортировать уже разлагающихся птиц, так как это может вызвать непреодолимое отвращение и дурно отозваться на аппортировании вообще. Правда, собаки едят падаля и в ней катаются, и тем не менее—это совершенно другое дело, чем поноска.

Наконец, уроки аппортирования следует завершить аппортированием живого голубя, цыпленка и даже воробья. Голубю связывают крылья, кладут его на землю и затем приказывают щенку его принести. Главное внимание тут нужно обратить на то, чтобы щенок нес голубя бережно, не помяв ни одного перышка. Точно так же следует поймать воробья в западню, связать его и заставить щенка бережно аппортировать. Это самые трудные уроки, но зато щенок научается аппортировать действительно осторожно. Некоторые дрессировщики предварительно делают деревянное яйцо, вбивают в него острые тонкие шпильки и, заострив напильником притупившиеся шпильки, заворачивают яйцо в вату и тряпку. Если щенок сожмет зубами эту поноску, то шпильки уколят небо и язык. Щенок бросит поноску, но его нужно снова заставить взять ее, приговаривая: «тихо, осторожно». Таким способом щенок приучается брать поноску бережно и таким же образом относиться к живой птице, когда ему кричат «осторожно». Если же щенок вздумает прикусывать живую птицу, то за это его следует наказывать хлыстом.

Здесь весьма кстати упомянуть о том, что легавые собаки всех пород инстинктивно начинают делать стойки по воробьям и домашней птице с самого раннего возраста. В этом невинном занятии их следует только поощрять, всякий раз говоря «тубо» и, таким образом, выдерживая их на стойке. Однако, длительность стойки зависит не столько от собаки, сколько от птицы, а домашняя птица, включая голубей и воробьев, выдерживает стойку очень плохо. Вот тут-то щенок и имеет поползновение погнаться за убегающим цыпленком или утенком. За это его приходится наказывать, сперва окриком: «Назад! Фу, стыдно!», а если не помогает, то и ударом хлыста. Не потому, правда, чтобы можно было опасаться, что впоследствии, на охоте, не удастся отучить щенка от гоньбы,—парфорсом и хлыстом, а главное—терпением и настойчивым требованием это всегда удастся, но потому, что иначе не удастся избежать ряда неприятных и справедливых столкновений с владельцами домашней птицы.

Иначе обстоит дело с кошками. Кошка никогда не попадает в зубы щенка, так как всегда успеет либо куда-нибудь шмыгнуть, либо влезть на дерево. В последнем случае не нужно упускать возможности дать щенку урок подлаивания. Указывая на сидящую на дереве кошку, нужно сказать щенку «подай голос». Уже обученный этому, щенок сейчас же залает, тем более, что и инстинкт толкает его на это. При этом следует добиваться возможно длительного лая, наконец, прекращаемого словами: «Ну, довольно! Пойдем домой». Когда же удастся застигнуть кошку где-нибудь в лесу, то тут, после длительного подлаивания следует кошку застрелить. Домашняя кошка в лесу, согласно закона, признается бродячей или бесхозной и подлежит уничтожению. Поэтому стрелять их можно не только со спокойной совестью, но даже с чувством долга, а по отношению к щенку это имеет совершенно исключительное значение, так как является основным уроком натаски в части, относящейся к функциям лайки.

Однако, прежде чем воспользоваться таким уроком, необходимо приучить щенка к выстрелу, так как весьма многие собаки боятся выстрела. В брошюре «Как самому натаскать легавую» я указываю, что простейший способ научить собаку не бояться выстрела—это первое время стрелять исключительно из-под стойки. Этот метод пригоден только по отношению к легавым, предназначенным исключительно для охоты из-под стойки, но никуда не годится для приготовления легавой к универсальной охоте, так как исключает возможность рано начать уроки подлаивания кошек, заканчивающиеся стрельбой. Щенок в это время уже должен быть приучен к выстрелу. Делается это таким образом. Уложив щенка на место, берут ружье и стреляют одним пистолетом, возможно дальше от щенка. Так как щенка вообще все интересует, то можно соединить эти выстрелы с не лишенным пользы упражнением в гашении зажженной свечи. Щенка это занятие интересует, а слабый звук не пугает. Если имеется патрон для стрельбы дробинкой, то, разумеется, можно стрелять в цель дробинкой. Если щенок относится к этой стрельбе совершенно спокойно, то следует попробовать стрелять на улице осьмушкой заряда без дроби. Когда он с этими выстрелами-хлопушками вполне освоится; можно несколько увеличить заряд. Однако, отнюдь не следует делать это увеличение слишком быстро. Излишняя осторожность никогда не помешает, тогда как приучить к выстрелу раз

перепугавшегося щенка страшно трудно. Постепенно доходят до полного заряда, и тогда уже часто стреляют при щенке как в цель, так и по воронам и разным хищникам.

Чрезвычайно полезно использовать приучение щенка к выстрелу для одновременного приказанья ложиться при выстреле или садиться. Научить ложиться легче, но на охоте выгоднее, чтобы собака садилась, так как в таком положении она лучше может наблюдать место падения стреляной птицы или направление полета целого выводка, напр., белых или серых куропаток. Если собака усвоит привычку ложиться или садиться при этих уроках, то ее почти не придется обучать этому на охоте.

Научив щенка искать потерянное, нужно научить его приходить с докладом или анонсировать о найденном; с'едобном. Щенку показывают лакомый кусок, затем приказывают лечь, выходят в соседнюю комнату и прячут показанное лакомство, сперва, конечно, так, чтобы его было легко найти. Вернувшись, щенку говорят: «Ищи, тубо и приди сказать!» В открытую дверь следят за действиями собаки. Как только щенок найдет лакомство, ему кричат: «Поди сюда! Приди сказать!» Когда он подбежит, его ласкают и говорят: «Ну, иди, покажи!» Щенок, конечно, сейчас же побежит за лакомством. Его успокаивают словом «тихо», идут за ним и, когда он подойдет к лакомству, говорят сначала: «тубо», затем ласкают щенка и по слову «пиль» позволяют с'есть лакомство. Таким образом, щенок научается, найдя спрятанное лакомство, звать своего хозяина. Этот призыв он выражает вполне ясно всей своей фигурой, поворотом головы, а иногда и слабым повизгиванием. Постепенно расстояние увеличивают, прячут лакомство возможно хитрее и следят за тем, чтобы щенок приходил с докладом, не делая попыток с'есть спрятанное лакомство. Из комнат урок переносят на улицу и даже в лес. Когда щенок научится четко выполнять анонсирование по спрятанному лакомству, следует перейти к анонсу по ручному перепелу. Для этого ловят или покупают перепела, что всегда легко сделать. Содержание перепела чрезвычайно просто, так как он питается всякого рода зернами. Щенку показывают клетку с перепелом, приказывают лечь, затем уносят и прячут клетку с сидящим в ней перепелом. Вернувшись, точно также говорят щенку, как это было с лакомством: «ищи и приди сказать». Усвоив это требуемое задание по отношению к лакомству, щенок охотно и легко выполняет его по отношению к сидящему в клетке перепелу. Впоследствии этого же перепела, но уже без клетки, можно употреблять для натаски щенка и обучения его поиску верхним чутьем, но об этом речь впереди. Дальнейшим уроком должно быть приучение щенка к хождению у ноги. Это один из скучнейших уроков для щенка и потому так мало встречается собак, которые действительно умеют ходить у ноги. При этом уроке неизбежно употребление парфорса. К парфорсу на кольцо удавки прикрепляется сворка или цепочка, которую берут в левую руку и идут со щенком из дому. Предполагается, что щенок уже умеет довольно прилично ходить на цепочке, но это далеко не то, что называется хождением у ноги. Для действительного достижения этого следует пойти вдоль домов, а еще лучше вдоль забора, если таковой имеется. Итти нужно так, чтобы забор находился с левой стороны. Цепочку берут как можно короче в левую руку, так, чтобы щенок находился плотно у левой ноги между дрессировщиком и забором. Итти нужно вдоль забора, держась к нему как можно ближе. Так как щенку никуда нельзя податься, то первое время он пойдет как следует, при чем ему повторяют: «у ноги, у ноги». Однако, такое стесненное хождение щенку скоро надоест, и он попытается либо проскочить вперед, либо шмыгнуть сзади вбок. Но и та, и другая попытка мгновенно будет наказана, так как, дернув за сворку, щенок тем самым сузит парфорс и будет уколот иглами парфорса, что заставит его бросить свою попытку. Щенка следует погладить и ласково повторять: «К ноге! К ноге!». Возможно, что строптивый щенок попытается даже лечь и ни за что не пожелает двигаться дальше. Укол парфорса все-таки заставит его подчиниться.

Первый урок не следует слишком затягивать и тем более наказывать хлыстом: уколы парфорса уже являются достаточным наказанием. Постепенно щенок научится ходить у ноги и без парфорса.

Лежание по приказу. Работа по кровяному следу

При описании урока «даун» я уже говорил, что нужно добиться того, чтобы щенок, которому приказано лежать, оставался бы лежать даже тогда, когда хозяин скроется из глаз. Но урок этот был, так сказать, предварительный. Дрессировщик, скрываясь от глаз щенка, в действительности не уходил, а из-за прикрытия продолжал наблюдать за поведением щенка и достаточно быстро появлялся снова. Теперь настало время урок этот продолжить.

Придя в лес, кладут на землю ягдташ или рюкзак¹, приказывают собаке лечь рядом и уходят. Собака не должна отходить от вещей, пока хозяин не вернется. Немецкие охотники придают этому уроку огромное значение и доводят время своего отсутствия до нескольких часов, в течение которых собака терпеливо сторожит вещи и никого к ним не подпустит. Я лично в отношении охоты этому уроку значения не придаю. В чем действительно иногда может встретиться надобность, так это лишь в том, чтобы по данному знаку, т.-е. под'ему руки,

собака мгновенно ложилась и терпеливо ждала бы, пока охотник пойдет скрадывать замеченного зверя или птицу. Для охоты этого достаточно. Может быть, иногда было бы удобно оставлять собаку при вещах на вокзале, но едва ли кто-либо решится на этот рискованный опыт.

Как уже мною было упомянуто, немцы считают одной из главных работ универсальной легавой преследование раненой козы по кровавому следу и подачу голоса у ее трупa, при чем, если собака застигнет козу еще живой, то должна ее задушить. Подобным же образом собака должна душить раненого зайца или лисицу, а при выкапывании лисицы из норы даже здоровую. Так как в наших условиях травля раненых животных может понадобиться какой-нибудь раз в году, а между тем сопряжена с риском приучить легавую не только мять, но даже рвать дичь и вместо раненого зверя гоняться за здоровым,—то я считаю подобную травлю вредной и потому вовсе не буду трактовать о дрессировке и натаске легавой в этом направлении.

Однако, на Кавказе, в Туркестане, в Сибири и на Дальнем Востоке, где охота на коз, оленей, горных баранов и др. копытных животных разрешена, выслеживание раненого животного по кровавому следу с дальнейшим анонсом или подачей голоса является работой крайне необходимой. Но их травля и там совершенно излишня. Возникает только вопрос, что выгоднее—подача голоса у мертвого зверя или анонс, т. е. возвращение собаки к охотнику с призывом следовать за нею. Для разрешения этого вопроса необходимо принять во внимание, что подача голоса требуется не кратковременная, а длительная, все время, пока не подойдет охотник. В горах может случиться, что охотнику, для того, чтобы подойти, потребуется не менее часа, а иногда и более. Если собака перестанет громко и непрерывно лаять, то охотник легко может сбиться с направления. Поэтому плохая подача голоса во всяком случае менее выгодна, чем хороший анонс. А между тем научить легавую подавать голос непрерывно столь долгое время бы то ни стало настаивают на подаче голоса, видя в этом верх достижения. Тем не менее реального преимущества подача голоса перед анонсом не имеет. В конце концов важна возможность дойти до убитого животного, а не способ указания его местонахождения собакою. Поэтому и в самой Германии раздаются голоса за то, чтобы подачу голоса сохранить за ищейкой, а от легавой требовать анонса или подвода по кровавому следу на ремне.

Я всецело высказываюсь за анонс. Новичкам может показаться, что раз собака научена подлаивать глухарей или белок на деревьях, то подача голоса у трупa козы ничем не отличается от подлаивания, но в действительности это далеко не так: по сидящему на дереве зверю всякая собака инстинктивно склонна лаять, при чем, это происходит на близком расстоянии от охотника, так что он в самом непродолжительном времени успевает подойти к подающей голос собаке, наоборот, подача голоса по мертвой козе или оленю может происходить на очень большом расстоянии от охотника, и это обстоятельство является решающим. Впрочем, даже такие сторонники подачи голоса, как Хегендорф, признают, что в случае неудачи при обучении собаки следует остановиться на анонсе.

Итак, перехожу к уроку преследования раненого животного по кровавому следу. Для этого необходимо добыть шкуру дикой козы. Урок начинается с того, что щенку показывают эту шкуру, затем, приказав щенку лечь, волокут шкуру по земле в лес, в первый раз, конечно, недалеко. Вернувшись, говорят щенку, как обычно: «ищи и приди сказать». Само собой разумеется, что уже приученный к анонсу щенок выполняет это задание безукоризненно.

Но этот урок служит лишь преддверием для другого, выполнить который в Европейской части СССР невозможно как за малым количеством диких коз, так и за запрещением их стрельбы. Застрелив козу, берут у нее кровь хотя бы в обыкновенные бутылки (в Германии продают специальные сосуды, из которых кровь каплет постепенно, подобно тому, как из раны животного) и затем приступают к уроку. Прежде всего дают щенку хорошенько обнюхать убитую козу, чтобы он усвоил разницу запаха свежееубитой козы и ее шкуры или чучела, с которым он хорошо знаком по предыдущим урокам. Затем нужно кого-нибудь попросить снести козу в лес и при том так, чтобы, выходя из дому, не пришлось идти этим следом. Место должно быть заранее обусловлено, чтобы сразу определенно знать, куда идти. Кроме того, для верности следует сделать какую-нибудь метку на этом месте. Данное лицо, назовем его помощником (*Лучше, если лицо постороннее, чтобы щенок не обратил внимание на его следы*), принеся туда козу (в рюкзаке за спиною ее вполне возможно снести), кладет ее на землю, дает несколько минут облежаться, затем несколько шагов тянет ее по траве и снова прячет в рюкзак, (налив в этом месте небольшую лужицу крови из бутылки. Затем, идя по ветру, а не против ветра, чтобы собака училась искать по следу, не пользуясь ветром, помощник роняет из бутылки капельки крови на траву, местами побольше, местами поменьше и делает метки на деревьях для более легкой ориентировки. Проведя таким образом кровавой след шагов сто или даже двести, он кладет козу на землю и с противоположной стороны возвращается к дрессировщику. Дрессировщик идет со щенком к условленному месту, но без помощника,

чтобы щенок не обратил внимания на его следы. Щенка следует взять на сворку, ибо таким образом легче приучить его идти по кровавому следу. Щенка подводят к тому месту, где лежала коза, и говорят: «Ищи! Ищи». Когда щенок зачует козу, возможно, что он даже приостановится. Тогда его следует подбадривать словами: «Хорошо, хорошо! Ищи, ищи!». Показав ему кровь и дав ее хорошенько понюхать, следует сказать: «Вперед! Ищи, ищи!» и вести его дальше по кровавому следу. Важно, чтобы щенок обнюхивал кровавые следы и старался бы в них разбираться, а не торопился скорей дальше, так как иначе он легко может потерять след. В конце концов с ним доходят до лежащей козы. Тогда щенка хвалят и кладут козу в рюкзак. Через несколько часов можно урок повторить, но уже без сворки. Подойдя к месту первой лежки, нужно сказать щенку: «Ну, ищи, ищи и приходи сказать». Уже приученный к анонсу, а также освоившийся с запахом козы и ее крови, щенок, вероятно, выполнит все требуемое. В противном случае придется его постыдить, снова показать ему след и в конце концов добиться требуемого. В дальнейшем вопрос будет заключаться исключительно в последующей постоянной охоте на коз и других копытных. Только практика, длительная практика на настоящей охоте вырабатывает первоклассную собаку. Дрессировка дает лишь необходимые предварительные устои, без которых охота превращается в непроводительную гоньбу дичи.

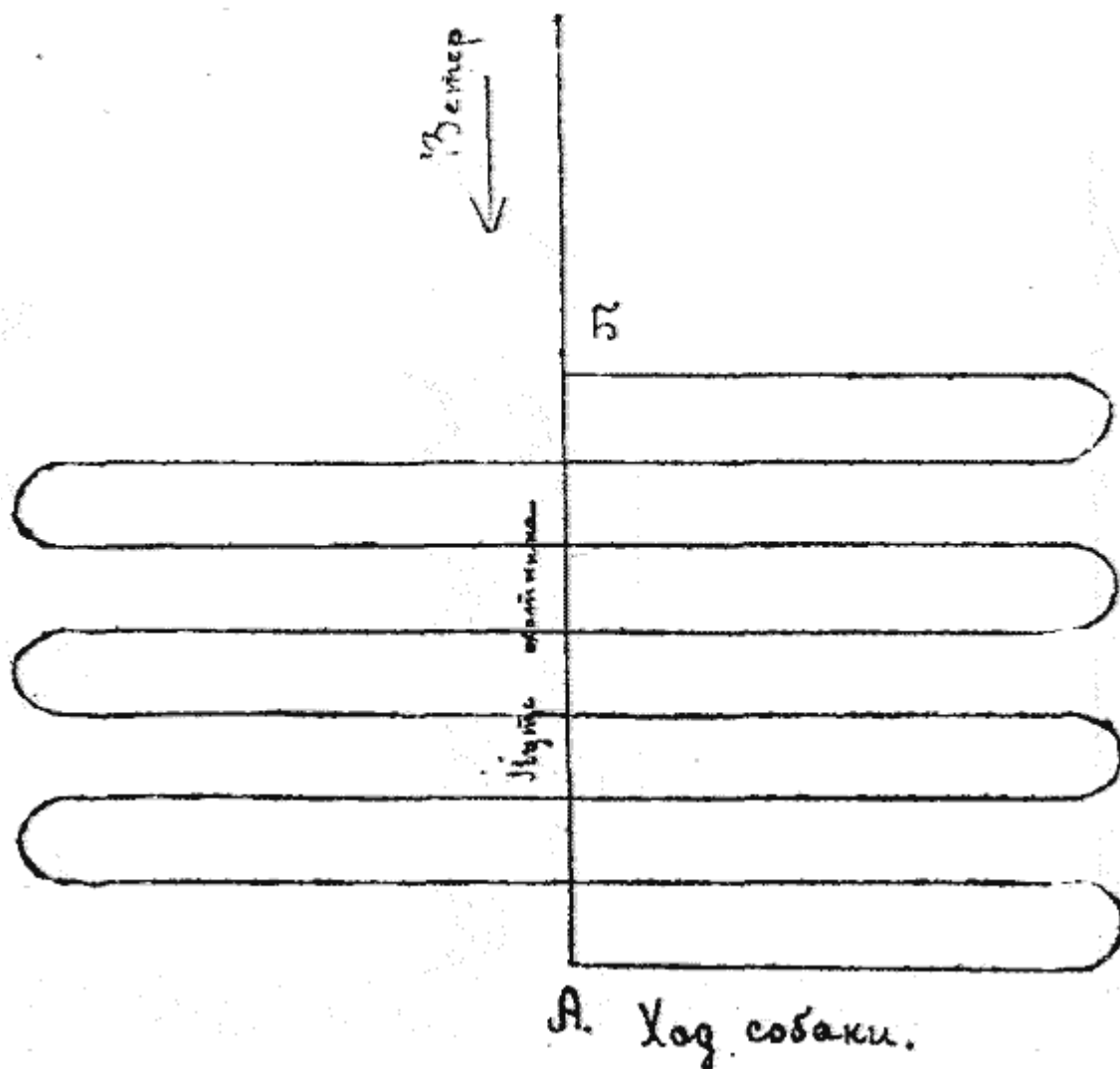
Искание по кровавому следу, приучая собаку вообще разбираться в следах, является работой, настолько необходимой для универсальной легавой, что в Европейской части СССР, по моему мнению, полезно, вместо козы, проделать ее с русаком и беляком, которых раздобыть всегда можно. Дрессировка, разумеется, сведется к вышеописанной, но анонс можно заменить аппортированием. Само собой разумеется, что собирать кровь зайца в бутылку не стоит. Можно, принеся свежеебитого зайца на место, прорезать ножом внутренности и на веревке потащить зайца. Ийти со щенком нужно довольно долго спустя, так как искать по свежему следу слишком легко.

Поискам по кровавому следу предварительная дрессировка щенка кончается и следует перейти к натаске, Если по местным условиям искание по кровавому следу выполнить вескою нельзя, то эту работу откладывают на осень, так как она не находится в связи с остальными уроками, предшествующими натаске.

Натаска

В Западной Европе натаска по птице сводится, главным образом, к натаске по серым куропаткам, которых там разводят искусственно, зимою подкармливают. Там они размножаются в (невероятном количестве. Птицы так много, что натаску можно начинать уже ранней весной, когда куропатки еще не сели на яйца. Это время весьма подходящее для первых уроков поиска и дальнейшего его развития.

У нас начинать натаску весною по серым куропаткам абсолютно невозможно, так как птицы для этого слишком мало. Поэтому натаску и развитие поиска приходится откладывать до середины июня, когда подымутся на крыло молодые бекасы. Таким образом натаска у нас начинается не в поле, а в болоте. Впрочем, жалеть об этом решительно не приходится. Конечно, следует надеяться, что у нас со временем будет правильное охотничье хозяйство с разведением серых куропаток, но это будет иметь значение для охоты, а не для натаски, особенно первоначальной. Именно бекас является идеальной птицей как для развития поиска, так и для укрепления дальней стойки. Немецкие руководства как дрессировки, так и охоты в этом отношении отличаются грубым непониманием охоты на бекасов и их роли в натаске. Вероятно это объясняется недостаточным количеством бекасиных болот.

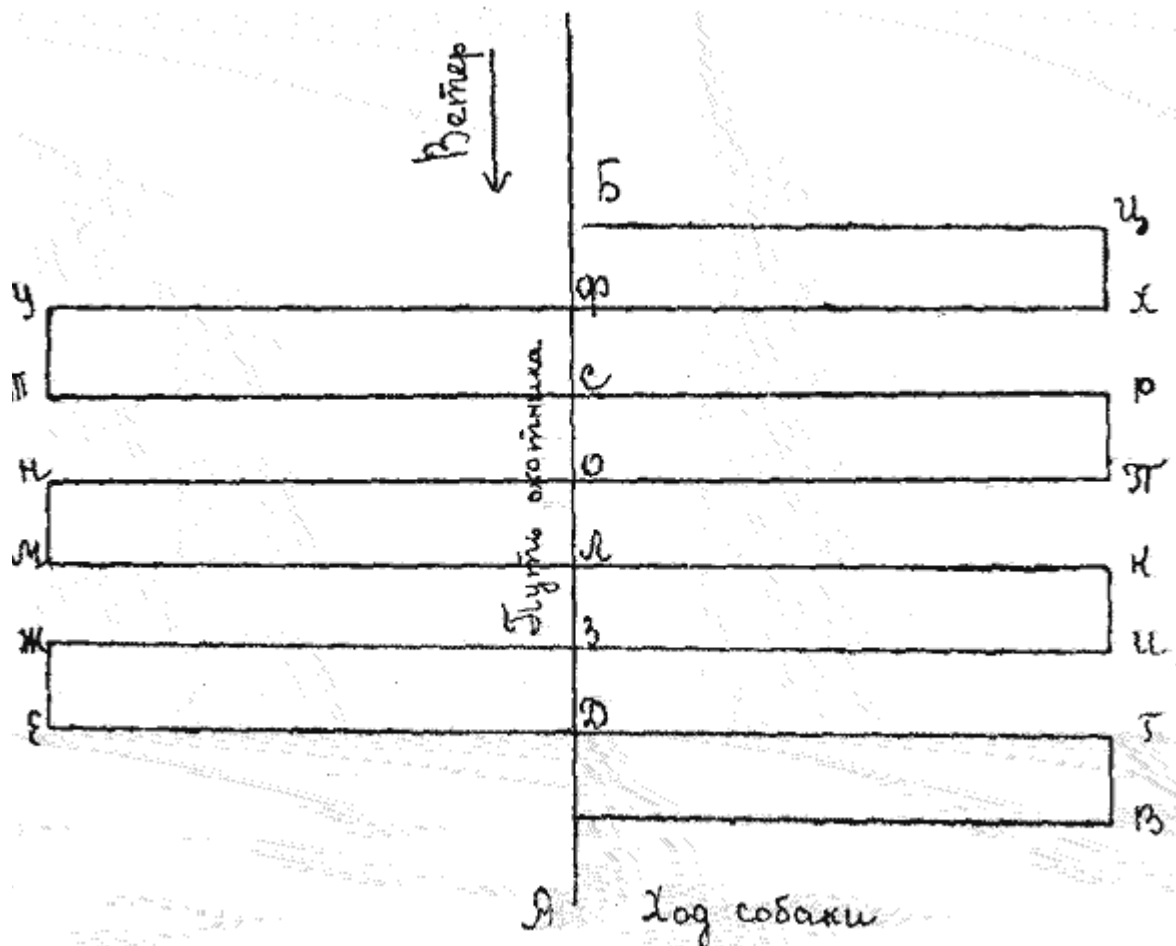
12.

Итак, примерно, в середине июня, когда бекасы начнут подлетывать, можно начать натаску по бекасам. Щенок должен быть не моложе—сука 9 месяцев, а кобель—10 или 11 месяцев, и желательно, чтобы они были не старше 1,5 года. Разницы в натаске по птице между английской легавой и немецкой, готовящейся к универсальной охоте, нет никакой.

Захватив с собой парфорс, ремень, свисток и хлыст или плетку, отправляются на болото, где водятся бекасы.

Придя туда, надевают на ошейник ремень, оставляя его тащиться по земле.

Натаска начинается с разработки поиска. Охотник отправляется против ветра, а собака должна искать правильными параллелями поперек ветра, но держа голову против ветра. Это она инстинктивно делает сама, так как сразу чувствует, что ветер помогает ей лучше чують всякий запах. Такой поиск в настоящее время принято называть челноком. Его схема видна из рис. 12.

. 13.

Но правильнее было бы это название бросить (Равно как и более старое-«восьмеркой.») , вместо него дав название «поиск параллелями», так как строго говоря, собака не может искать ни так ни этак, а геометрически получается схема, дающая возможность определить ширину поиска (см. рис. 13). Расстояние АД есть то расстояние, на которое может чутя собака затаившуюся птицу непосредственно по ветру верхним чутьем, не разбираясь в следах птицы. Это расстояние для хорошей легавой можно принять максимум в 40 шагов. Отсюда проистекает, что встреча собаки с охотником должна происходить через каждые 40 шагов охотника. Само собой понятно, что чем быстрее ход собаки, тем шире может быть ее поиск, но вместе с тем он должен быть приблизительно равномерен в течение целого дня охоты. Скорость хода охотника нужно принять в 3,5 километра, так как идти быстрее по кочкам или зарослям, а тем более по трясине едва ли возможно. Самая быстрая собака едва ли сможет бежать в течение целого дня более 20 километров в час. В таком случае ход собаки будет приблизительно в 6 раз быстрее хода охотника. Для читателя, знакомого с элементами алгебры, этих данных достаточно для определения возможной ширины поиска.

Из прямоугольника АВГД имеем:

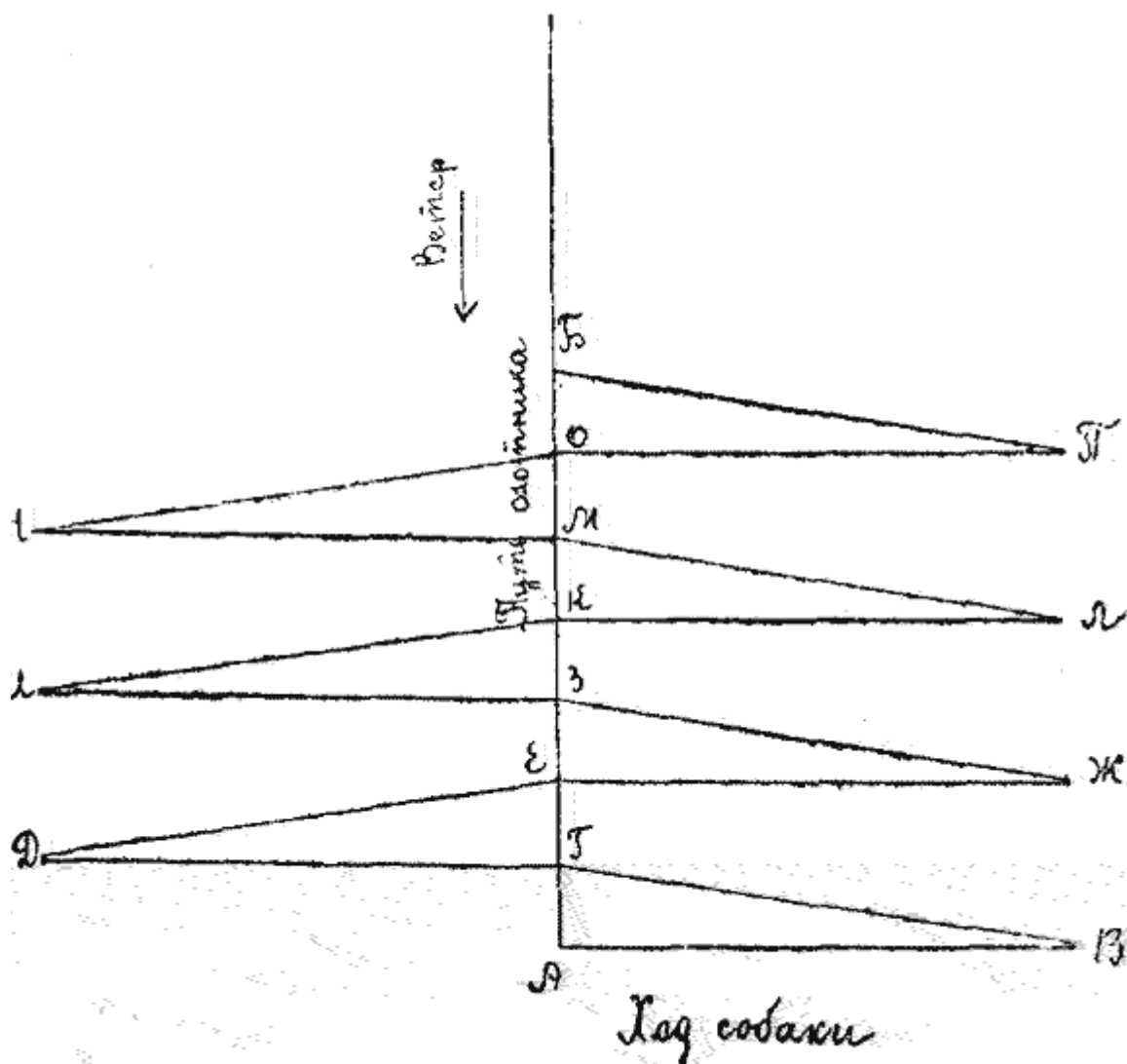
$$AB + GB + GD = 6 AD \text{ или } 2 AB + 40 = 6 \cdot 40, \text{ откуда } 2 AB = 240 - 40 = 200 \text{ AB} = 100.$$

Таким образом, ширина самого быстрого: поиска не может превышать 100 шагов. Следовательно, если собака забегает на 200 или 300 шагов, то это только служит доказательством не широты и быстроты поиска, а скорее его отсутствия, ибо такого поиска, если он правильный, ни одна собака в течение дня работы выдержать . не может. Из собственной практики я тоже определяю ширину поиска приблизительно в 100 шагов. Конечно, должен оговориться, что в начале охоты собака всегда идет быстрее, чем к середине дня, а тем более к концу; с этим ничего не поделаешь. Тем не менее следует стремиться к тому, чтобы этого не было. Прежние немецкие тихходы важно выступали шагов на 30 от охотника; это было и невыгодно, и несосно, поэтому современные немецкие легавые уже стали догонять английских.

У большинства хороших полевых легавых, как английских! так и континентальных способность к правильному поиску уже врождена, так что со стороны охотника нужна лишь небольшая помощь для развития этого драгоценного качества.

Урок поиска начинается с того, что охотник показывает собаке рукою направо (или налево) и говорит: «Ищи! Ищи!». Уже привыкшая к этому слову собака, понимая его важность и подстрекаемая инстинктом, бросается в указанную сторону, намереваясь что-то искать. Когда она отбежит шагов на 80, нужно свистнуть. Собака оглянется, и тогда нужно махнуть рукою в левую сторону. Послушная, аппелистая собака побежит к охотнику и пойдет искать в левую сторону. Если она не сразу поймет требуемое, то придется самому немного пойти в левую сторону, и тогда собака пойдет правильно. Когда она отбежит в левую сторону шагов на 80, нужно снова свистнуть и махнуть рукою в правую сторону и т. д.

Само собой разумеется, что поиск собаки будет далек от правильных прямоугольников и более похож на зигзаги, так как после свистка собака круто повернется и понесется по прямой линии к охотнику. Таким образом, схему поиска правильнее изобразить таким образом. (См. рис. 14). Из чертежа видно, что на концах будет не 40 шагов, а около 80. Другими словами, на концах зигзага будут места, недоступные для чутья собаки. Однако, постепенно в процессе охоты умная собака это поймет и сама начнет обыскивать эти пустоты. Во всяком случае, оставляя в стороне геометрию, важно добиться того, чтобы собака непременно искала сперва направо, а потом налево от охотника, встречаясь с ним через каждые 40 шагов. При такой системе поиска редкая птица будет пропущена.

. 14.

Искать собака должна обязательно верхним чутьем, высоко неся голову и стараясь на всем скаку прихватывать запах самой птицы, а не ее след. Некоторые охотники думают, что собака, ищущая по следу, обязательно обладает нижним чутьем. Это глубокое заблуждение, так как в таком случае не могло бы быть гончих с верхним чутьем, ибо они работают преимущественно по следу, а между тем все знатоки гончих считают лучшими гончими

именно верхочутов. Что касается легавых, то чаще всего ищущие только нижним чутьем просто обладают скверным чутьем, а собаки, обладающие хорошим верхним чутьем, не приучены к розыску по следам, и потому многие думают, что собака с верхним чутьем не может искать по следу. Такой взгляд тоже глубоко ошибочен. Собака с первоклассным верхним чутьем, приученная к розыску по следам, придет к цели гораздо скорее, чем собака с нижним чутьем. Но охотник должен понимать, в каких случаях, следует обучать легавую искать по следам; и в каких случаях без следа, прямо пользуясь ветром. По отношению к бекасу ковыряние на набродах—вещь совершенно недопустимая, так как до невозможности замедлит отыскание птицы и лишь отучит собаку от правильного поиска параллелями. Таким образом основной задачей натаски легавой по бекасам является развитие правильного поиска исключительно верхним чутьем, не останавливаясь на следах.

Стойка, подводка и под'ем птицы на крыло

На одном из вышеописанных зигзагов собака скоро почует еще незнакомый, но столь много говорящий ее инстинкту запах бекаса и, приостановив бег, потянет туда, откуда доносится запах. С несомненностью, определив место сидки бекаса, собака инстинктивно замрет на стойке. Подходя к собаке, ее следует еще поддержать поощрительным «тубо». Дав ей постоять некоторое время, лучше всего на первый раз пойти самому выгнать бекаса, который к тому же часто не слишком долго выдерживает стойку. В это время следует зорко следить за собакой, хотя это и предвзывает некоторое затруднение. Едва бекас порвется, нужно крикнуть собаке: «даун!» и поднять руку в знак того же. Если собака повинется и ляжет, то все обстоит хорошо, и при следующих стойках она уже сама начнет ложиться, сперва слыша грозное «даун», а потом без всякого крика и под'ема руки. Однако, столь гладко этот урок проходит далеко не всегда. Гораздо чаще собака, не слушая ни грозного «даун», ни отчаянного «назад», ни даже пронзительного свистка, несется за бекасом, точно надеясь его поймать. В таком случае нужно спокойно подождать, не сходя с места, и через некоторое время снова посылнее свистнуть. На этот зов собака почти наверное явится с повинной, отлично сознавая, что поступила неладно. Наказывать ее в первый раз отнюдь не следует. Достаточно лишь постыдить обычными словами: «фу, стыдно, стыдно!» Затем нужно приказывать ей лечь и несколько минут спокойно посидеть на месте. Собираясь идти дальше, следует заменить ошейник парфорсом, при чем прикрепить к короткому ремню второй кусок, чтобы сделать ремень подлиннее. Большинство дрессировщиков прямо начинают натаску при помощи парфорса. Однако, я рекомендую на первый раз его не надевать, так как он бывает нужен далеко не всегда. Собака понимает, что парфорс есть наказание, и потому хорошо употреблять его именно в качестве наказания. А беды в том, что собака разок пробежится за бекасом, нет никакой.

Итак, надев парфорс, следует искать второго бекаса, конечно, обращая особое внимание на правильность поиска. Когда собака найдет нового бекаса и станет по нему, нужно взять ремень в руку и велеть собаке идти вперед. Как только бекас вылетит, следует сурово крикнуть «даун» и осадить собаку ремнем. Иглы парфорса мигом образумят зарвавшегося ученика и заставят его повиноваться. Впрочем, при некотором терпении нетрудно отучить щенка от гоньбы и при помощи одной удавки. Во всяком случае, необходимо добиться того, чтобы собака мгновенно ложилась при взлете птицы. Впоследствии, т. е. на втором году натаски, можно будет попытаться переучить собаку при взлете птицы садиться вместо того, чтобы ложиться, так как это выгоднее, особенно при охоте на белых и серых куропаток, в виду того, что сидящая собака может с успехом следить за направлением полета выводка, чего лежащая собака выполнить не может. Если иметь дело с мягкой собакой, которая не делает никаких попыток к гоньбе, то, разумеется, ее можно сразу приучить именно садиться, а не ложиться при взлете. Но горячую и упорную собаку «даун» лучше предохраняет от попыток гоньбы.

Вторым пунктом, на который следует обратить внимание, является так называемая потяжка. Потяжкой называется замедление бега во время поиска, когда собака почует запах дичи, но еще не может определить, где птица находится, и медленно тянет по направлению доносящегося до нее запаха. Как только охотник заметит потяжку, ему следует поторапливаться к собаке, чтобы своевременным звуком «сст» приучить ее становиться на стойку возможно дальше от птицы, отнюдь не напирая на нее. Обычно на это обстоятельство обращают слишком мало внимания, а некоторые охотники даже хвастают тем, что их пойнтер без всякой потяжки на всем скаку замирает на стойке в пяти шагах от дупеля. Хотя среди английских легавых действительно попадаются собаки, лишенные потяжки, но я считаю, что в этом! сильно виноваты охотники, не обращающие, как я сказал, достаточного внимания на потяжку при первых уроках натаски. Если потяжка не играет роли при стрельбе, болотной дичи, то в лесу, особенно по глухарям, без нее обходиться невозможно.

Когда собака перестанет делать попытки к гоньбе, ее нужно приучать к под'ему птицы на крыло по слову «пиль». Хотя по отношению к бекасам это роли не играет, так как бекас и сам вылетает слишком легко, но уже дупель (и особенно гаршнеп) может замучить охотника, который вздумает выгонять их сам, вместо собаки, продолжающей твердо стоять на стойке. Совершенно исключительное значение под'ем на крыло имеет при охоте на косачей и еще более глухарей, которые сбегают и всегда норовят вылететь за кустом или деревом, так что охотник их и не увидит, пока собака будет продолжать свою упорную стойку. Наоборот, если собака приучена мгновенно выгонять птицу при слове «пиль», охотник, подойдя к стоящей собаке, заходит вбок или даже вперед, высматривает более чистое место и кричит собаке «пиль». Птица вылетает на виду у охотника и бывает убита. Поэтому как только собака научится ложиться или садиться при взлете птицы, нужно прекратить выгонять ее самому и приступить к обучению под'ема уже на бекасах. Когда собака достаточно долго постоит, ей нужно сказать: «Вперед! Пиль!» .Если она не захочет двинуться, ее нужно погладить, чтобы она несколько пришла в себя, а затем подпихнуть, повторяя: «Вперед! Пиль!» Если такие попытки продолжаются слишком долго, то бекас более не выдержит и сам полетит. Но это не беда. Собака в конце концов научится плавной подводке и под'ему на крыло.

Прежде чем кончить с натаской в болоте, весьма кстати упомянуть о птичках и зайцах, которые попадают в любом угоды. Всякий охотник знает, до чего несносны бывают стойки по птичкам. Поэтому каждый раз в таком случае следует выражать собаке неодобрение словами: «Фу! Стыдно! Птичка!» В конце концов собака поймет, что не должна обращать внимания на птичек.

Несколько сложнее обстоит дело с зайцами, которые не только вообще являются объектом охоты, но и в частности должны служить таким объектом для собаки «по птице и зверю». Как же быть с зайцами в начале натаски?

Многие немецкие авторы не только рекомендуют предоставлять молодой собаке гонять зайцев во всю нелегкую, но даже советуют натравливать ее, если она не гонит, при чем предупреждают, что со временем придется отучить собаку от гоньбы за здоровыми зайцами и травить только раненого зайца. Как я уже заметил выше, для нас ловля раненых зайцев не играет никакой роли, а между тем даже среди немцев раздаются голоса, утверждающие что нередки случаи, когда гоньба за зайцами окончательно портит собаку. Поэтому при случайных встречах с зайцем щенку не следует позволять гнаться за ним. Однако, его бить не нужно, а достаточно стыдить, как и за птичек. Вместе с тем не лишено пользы требование при встрече с зайцем подавать голос. Научить этому собаку не представляет особых затруднений, и таким образом заяц входит в круг тех животных, по которым универсальная легавая должна подавать голос, как она этому уже научилась по кошкам.

В начале июля, когда собака будет уже сносно работать по бекасам, не гоняясь за ними, следует приступить к натаске по тетеревам, при чем по возможности тетеревам посвящать утро, а затем, после отдыха, снова итти на болото по бекасам. Обычно бывает возможно предварительно узнать, где имеется тетеревиный выводок, и таким образом значительно сузить район поисков.

Так как тут придется иметь дело в кустах, где собака часто скрывается из глаз, то полезно надеть на ошейник достаточно звонкий бубенчик, как я об этом писал в брошюре «Как самому натаскать легавую». Отдел, посвященный натаске легавой на тетеревей, глухарей и белых куропаток, излажен в этой брошюре достаточно подробно и потому, во избежание ненужных повторений, я отсылаю читателей к этой брошюре, здесь же буду говорить лишь о том, чего там не имеется.

Первый год охоты

К 1 августа,—дню начала охоты,—собака должна быть достаточно натасканной, по крайней мере в смысле поиска, стойки и «даун» при взлете. К выстрелу универсальная легавая уже приучена, так что думать о возможности испугать ее не приходится. Но желательно первым выстрелом не пропуделять, так как результат выстрела производит психическое воздействие на собаку. Поэтому, если при натаске случайно удалось найти выводок дупелей, перекочевавших из крепи на открытое место, то, бесспорно, самой подходящей птицей для открытия охоты является дупель, которого и средний стрелок может убить наверняка. Впрочем, молодые бекасы тоже летят без знаменитых зигзагов, так что охотник, не уверенный в выстреле по старому бекасу, может пропустить последнего без выстрела, как бы продолжая привычную натаску, и выстрелить наверняка по молодому. Конечно, в случае промаха ничего ужасного не произойдет, но желательнее птицу застрелить. Можно Начинать охоту и по тетеревам. Мне самому это случайно приходилось делать как раз с моими лучшими ирландцами, при чем я не заметил никакого вредного влияния от этого, хотя выводок тетеревей несомненно больше горячит собаку, чем бекасы. Впрочем, имея возможность

выбора, я посоветовал бы начинать охоту по дупелям и бекасам, а через несколько дней перейти на тетеревей.

Когда птица будет убита, не следует торопиться с разрешением ее принести. Нужно чтобы собака полежала спокойно и только затем ее послать аппортировать. Я, конечно, предполагаю, что собака во время предварительной дрессировки уже хорошо аппортировала голубей, ворон и т. п. В противном случае разрешение аппортировать убитую дичь придется отложить, пока собака не научится это делать с воронами, а пока что ограничиться тем, что заставить собаку найти убитую птицу и самому ее поднять, все же дав собаке ее обнюхать. Конечно, подобный случай возможен лишь при покупке взрослого щенка к самому сезону натаски, вследствие чего вся дрессировка получилась скомканной. При нормальной же дрессировке щенок должен аппортировать хорошо.

Возможно, что при охоте на тетеревей собака сама начнет анонсировать. Тогда останется только ее поощрять и вопрос анонса разрешается сам собой. Но это бывает редко, и чаще приходится откладывать настоящее обучение анонсу на второй год охоты.

При охоте на тетеревей весьма желательно найти выводок на ягоднике, расположенном среди леса, где мало травы. Это всегда можно сделать, когда косцы повыгонят тетеревей из травянистых кустарников. В таких местах молодые тетеревята часто рассаживаются на деревья. Еще более часто это делают молодые глухари. Если охотнику посчастливится и удастся заметить пересевшего тетеревенка или глухаренка на дерево, то нужно немедленно подзвать собаку и, указав ей тетеревенка, сказать: «подай голос!» Привыкшая подлаивать кошек, молодая собака не замедлит это сделать. Гром выстрела и упавший с дерева тетереенок доставят собаке великое наслаждение, после чего она уже всегда будет самостоятельно подлаивать тетеревей и глухарей, как лайка. Отныне все дело будет заключаться в практике, которую всячески нужно стараться доставлять собаке, нарочно заходя в такие места, где тетерева после под'ема чаще садятся на деревья.

Часто неопытные охотники думают, что самой подходящей птицей для охоты с лайкой, а, следовательно, и с обученной подлаивать легавой является рябчик. К сожалению; это неверно, так как рябчик не выдерживает подлаивания и слетает с дерева раньше, чем успеет подойти охотник. Говорят, что есть лайки, специально обученные по рябчикам, которые, вместо подлаивания, молча анонсируют, вследствие чего охотник успевает подойти к сидящему рябчику. Признаться сказать, я не очень этому верю, так как не вижу смысла в такой собаке, ибо рябчика проще стрелять на пищик, а самую лайку такой молчаливой охотой можно окончательно испортить. Во всяком случае легавая не сможет отличить что по глухарю и кунице нужно подлаивать, а по рябчику подводить молча, а так как анонс легавой более присущ, чем подлаивание, то естественно, что она вообще не будет подлаивать, между тем как наша задача заключается именно в том, чтобы она подлаивала птиц и зверей, сидящих на деревьях и допускающих этот прекрасный и интересный способ охоты. Лучше будем считать, что рябчик—птица вне сферы легавой.

Подводя итоги первому году охоты по птице, можно сказать, что для развития таланта и приобретения опыта следует охотиться с молодой собакой по возможности больше, хотя бы даже с риском несколько переутомить ее. Начинать охоту рекомендуется по бекасам и дупелям, затем переходить на тетеревей и глухарей, дальше—на белых куропаток, затем снова на дупелей при пролете, потом да серых куропаток и одновременно по осенним высыпкам бекасов, гаршнепов и вальдшнепов на пролете. Все это читатель найдет в упомянутой выше моей брошюре «Как самому натаскать легавую», в отделе, посвященном описанию охоты.

Утиной охоты на первый год не должно быть прежде всего уже на том основании, что нет времени натаскать собаку на эту птицу. Кроме того, самый принцип утиной охоты идет в разрез с принципом охоты из-под стойки, а потому не следует слишком рано отягчать психику собаки усвоением противоположных начал. Она успеет ознакомиться с этой, не лишенной своеобразного интереса охотой на второй год обучения.

Когда разрешается охота на зайцев, то искать русаков можно в тех же самых полях, где приходится охотиться на серых куропаток. А так как русаков у нас не так уже много, то охота с легавой косит характер не то, чтобы совсем случайный, но во всяком случае попутный.

Русаки прячутся в межах или бурьянах. Систематически обыскивая поле, почти всегда в конце концов можно набрести на лежку русака и застрелить его из-под стойки, после чего следует послать собаку принести убитого зайца. Уже привыкшей к тяжелой поноске и к заячьему чучелу собаке не доставит большого затруднения аппортирование заманчиво пахнущего русака. Таким образом охота на русаков с легавой сводится к их стрельбе в полях из-под стойки, совмещающая эту охоту с охотой на серых куропаток.

Если при под'еме русака собака взвизгивает, то это очень хорошо (*Конечно, имея в виду другие охоты: на беляков в лесу, на фазанов в зарослях и на уток в камышах*) и ее следует поощрять словами: «ну, еще подай голос!» Но гнаться за русаком отнюдь нельзя позволять, так как в

гончую это легавую никогда не превратит, а приучить гоняться не только за зверем, но и за птицей может. Немцы приучают гнать только раненого зверя, а (не здорового, но, как я уже упоминал, для нас и эта немецкая выдумка оказывается ненужной затеей.

Совершенно иначе производится охота на беляков или, правильнее сказать, на зайцев в лесу, так как зачастую и русака можно встретить в кустарниковых или еловых зарослях на лесных опушках.

Для объяснения метода этой охоты приходится предварительно сказать несколько слов о поиске легавой в лесу.

Когда в нашей охотничьей литературе говорят о различии поиска на болоте и в лесу, то имеют в виду лишь то обстоятельство, что в лесу собаке приходится несколько замедлять ход и сужать обычный поиск, чтобы собака не забежала слишком далеко от охотника, который за деревьями лишен возможности ее видеть. В основных принципах различия между работой английской легавой на болоте и в лесу не существует. Между тем немцы, по отношению к своей легавой, различают две основные работы в лесу. Одна работа заключается именно в обычном искании дичи с последующей стойкой и подводкой охотника к сидящей на земле птице. Эту работу немцы называют термином «буширен» от слова «буш»—куст. В нашем охотничьем лексиконе не имеется для этой работы специального термина, но смысл ее вполне укладывается в обычное понятие лесной охоты или поиска в лесу.

Совершенно другой работой является так называемое «штёберн». В русском языке не только не имеется соответствующего термина, но я бы сказал, что и самое понятие, с ним связанное, русскому охотнику неизвестно. Немецкий же термин обозначает систематический поиск собаки в более или менее ограниченной площади зарослей с под'емом птицы или зверя без стойки, в то время, как охотник стоит или идет вдоль опушки обыскиваемой собакой заросли. Работа эта сопровождается подачей голоса при под'еме птицы или зверя. Это та работа, которая является специальностью спаниэлей. Но со спаниэлями чаще всего работают таким образом, что небольшую стайку спаниэлей ведет один загонщик, обыскивая с ними определенную площадь леса по направлению к разместившимся на номерах стрелкам. Таким образом, охота со спаниэлями есть попросту охота об л а в н а я, где роль загонщиков исполняют спаниэли. Спаниэли, как известно, стойки не делают, но на горячем следу и при под'еме птицы или зверя подают голос. Такой последовательный поиск с выжиманием спрятавшейся дичи из чащи без стойки и называется по немецки «штёберн», я же передаю его выражением «поиск без с т о й к и». Аналогичный поиск гончей называется полазом, но по отношению к легавой я не решаюсь употребить этот термин.

Само собой разумеется, что разница между работой универсальной легавой и работой стойки спаниэлей заключается в том, что со спаниэлями загонщик захватывает в один прием значительно большую площадь и не только зарослей, но и редколесья, т. е. эта охота, подобно всякой специальной охоте, производится гораздо быстрее. Но все же метод охоты одинаков, и результат вполне удовлетворителен.

Самым трудным вопросом является способ обучения этому методу. Легче всего это достигается именно при помощи хорошо натасканного спаниэля. Но так как у нас натасканных спаниэлей почти не имеется, да и охота с ними совершенно неизвестна, то и упомянул об этом лишь для полноты руководства; приходится же обучать собаку вполне самостоятельно. Самое трудное в этом деле—достигнуть от собаки понимания того, что от нее требуется.

Для начала следует выбрать густо заросшую полоску молодого леса среди полос поля, если, конечно, таковые имеются. Начинать натаску удобнее вдвоем, т. е. стрелком будет помощник, а дрессировщик должен пойти по указанной заросли вместе с собакой. Само собой разумеется, что стрелок должен идти вдоль полоски не со стороны поля, а со стороны леса, так как находящиеся в зарослях вальдшнепы, тетерева, иногда даже рябчики и беляки направляются в лес, и лишь русак может пойти в поле. Дрессировщик должен держать собаку почти у ног и все время руководить ее поиском, чтобы она не оставляла необысканным ни одного клочка данной заросли. Итти по такой полоске очень трудно, так как ветки все время хлещут по лицу, и в сущности приходится не итти, а пробираться сквозь чащу. Если собака сделает стойку, нужно немедленно кричать: «вперед» и таким образом понукать собаку к движению вперед без стойки. Это совсем не так трудно, как может сначала показаться, ибо не только заяц, но и птица склонны в зарослях сбегать, а не выдерживать продолжительную стойку. Когда птица вылетит или заяц будет замечен, нужно говорить собаке: «подай голос!» Когда же вылетевшая птица или выбежавший заяц будут убиты, собака поймет смысл ее работы, и (дрессировщик должен попробовать пустить собаку по следующей полоске уже одну, а самому присоединиться к своему помощнику и распределить с ним дальнейшее движение, напр., с заходом одного стрелка несколько вперед и т. п. Чтобы следить за ходом собаки, нужно надеть на ее ошейник-бубенчик. Когда его звук будет затихать, нужно кричать собаке «вперед».

Передать более подробно все мелкие детали этого урока чрезвычайно трудно. Охотник, зная цель, которой должен добиваться, сумеет найти в каждом отдельном случае тот способ, который будет более доступен пониманию собаки. Постоянная практика лучше всего разъяснит собаке предъявляемое ей требование. Наоборот, од за дрессировка без охотничьей практики никогда не приведет к цели.

Иногда бывает, что в такой заросли затаится куница или отправившаяся на промысел домашняя кошка. Собака мигом загонит ее на дерево, и это бывает прекрасным уроком для подлаивания.

Среди лесного массива иногда попадаются островки зарослей: кустарника или олешника или подрастающего ельника. В Германии они служат любимым логовищем диких коз, а у нас в таких местах чаще залегают беляки. Вот почему такие заросли бывает выгодно тщательно обыскивать. Само собой разумеется, что охотник должен понимать, куда лежит ход зверя или птицы, и идти вдоль заросли соответственно этому.

В первый год охоты от собаки, конечно, нельзя ожидать хорошей работы, но на второй год, особенно после того, как собака натаскается по уткам, где ее работа вполне аналогична, она уже привыкает работать сознательно и хорошо. Но об утиной охоте скажем в своем месте, а пока отметим, что вышеописанная работа является высшим достижением универсальной легавой. Именно в этой работе немецкая легавая далеко превосходит английскую, уступая ей в работе обычной, т. е. завершаемой стойкой. Следует еще заметить, что при подеме птицы или зверя в зарослях универсальная легавая должна не только подавать голос, но и некоторое, сравнительно небольшое расстояние провожать зверя, напр., зайца, голосом, однако, отнюдь не дальше линии стрелков. Как только она увидит хозяина или последний дает ей сигнал свистком, собака должна остановиться и дальше зверя не гнать. Если этого не добиться и даже не добиваться, то собака просто начнет гонять на манер плохой гончей и окончательно испортится. Это нужно иметь в виду не только в первый, но еще и на второй год охоты. Успешно прошедшая двухгодичный курс собака станет первоклассной и будет совершенствоваться во всех видах охоты.

Собственно об охоте на беляков после всего сказанного остается добавить немного. Она начинается поздно осенью, когда совершенно кончается охота с легавой по птице. Благодаря этому, срок использования легавой чрезвычайно увеличивается. Главное внимание нужно обратить на всякого рода небольшие заросли, поваленные деревья, вообще всякое прикрытие, которое беляки любят выбирать для дневного пребывания. При постоянной практике собака привыкает самостоятельно обращать особое внимание на все такие места. Когда наступит время охоты на узерку, уже привыкшая к исканию беляков собака не только не будет помехой и в этой охоте, а даже может быть использована для наганивания беляка на охотника, будучи послана в обход с противоположной стороны. Таким образом, по добычливости, хотя охота на беляков с универсальной легавой и не может сравниться с охотой с гончими, но все же не один беляк попадает в сумку охотника-лесника даже при служебном обходе лесных меж и просек.

Когда выпадет первая пороша, приступают к обучению легавой слежке за мелкими зверьками, у нас, конечно, почти исключительно за белками и куницами. По следам стараются увидеть белку на дереве и показывают ее собаке, говоря: «подай голос!» Когда собака залает,— стреляют белку. Смышленная легавая скоро научается следить за белками и их подлаивать. Таким образом, она до некоторой степени может заменить лайку. Конечно, она никогда не дойдет до той виртуозности, с какой специально натасканная по белкам лайка следит за ними и когда они перескакивают с дерева на дерево, но все же научится не только подлаивать, пока белка сидит на ветке; грызя шишку, но и следить за ее передвижениями по верху. То же самое и по отношению к кунице, хотя добыча последних, конечно, не может быть большой. Изредка может встретиться и норка, которую собака либо загоняет на дерево, где ее легко застрелить, либо в нору, если таковая находится поблизости. Так как нора обычно не глубока, находясь в крутом берегу ручья между корнями прибрежных кустов, то тогда удастся выгнать норку оттуда палкой.

Натаска на мелких зверьков с подлаиванием всецело зависит от практики и особых методов не требует.

Если промышляющий по мелким зверькам охотник увидит сметку русака, то универсальная легавая ему не помешает взять его. Охотник поднятием руки заставит собаку лечь, а сам зайдет с противоположной стороны и возьмет русака обычным способом тропления. Конечно, помощи собака тут не окажет. Зато при троплении беляка, обычно залегающего в самой чаще, легавая окажет непосредственную пользу. Заметив сметку, охотник посылает собаку искать зайца, а сам заходит на более чистую прогалину, определяя приблизительное место лежки. Взбуженный легавой беляк легче чем осенью попадает под выстрел ожидающего его охотника.

Второй год обучения легавой

Весною, когда до открытия сезона охоты остается много свободного времени, следует повторить кое-что из изложенного курса дрессировки, особенно «д а у н» на расстоянии: и искание потерянных вещей. Кроме того, если собака не проявила самостоятельного анонса на охоте, следует приступить к его систематическому обучению.

Для этого заблаговременно приобретают перепела, содержание которого в клетке не представляет особого труда, и подрезают ему крылья. Показав перепела собаке и велев ей лежать, дрессировщик относит перепела недалеко в кусты или в поле и выпускает. Вернувшись, он приказывает собаке искать и притти с докладом. С детства приученная к исканию вещей, собака мигом находит перепела и возвращается с докладом. Когда собака подведет и станет по перепелу, его высматривают на земле и кроют сачком. После этого просят помощника снести перепела на другое место, сделав круг так, чтобы дрессировщик мог пойти с собакой искать перепела против ветра, не идя по следам помощника. Выпуская перепела, помощник ставит вешку, чтобы это место было видно, при чем оно должно быть выбрано непременно в кустах. Увидев вешку, дрессировщик приказывает собаке искать, а сам подвигается к вешке. Таким образом, этот урок одновременно служит повторением урока поиска. Тут можно следить за тем, чтобы собака действительно искала параллелями. Когда собака станет на стойку, нужно, вместо того, чтобы подойти к ней, остановиться за кустом, как бы притворившись, что не заметил стойки. Затем собаку зовут по имени и свистят ей. Может быть, она сразу не пойдет на зов, но непременно нужно добиться, чтобы она отходила со стойки на ваш зов. В крайности, придется пойти и отвести ее со стойки, надев ремень. После этого ее снова пускают искать и отзывают со стойки. После нескольких уроков собака приучается возвращаться к дрессировщику с докладом, еще не делая стойки, а лишь определив с несомненностью, что перепел находится в данном месте. Имея возможность повторять эту искусственную охоту каждый день, приучают собаку к анонсу. Когда наступит возможность перейти на настоящую натаску по тетеревам, уже сравнительно легко научить собаку анонсу в обстановке настоящей охоты.

Обучение анонсу я откладываю на второй год потому, что считаю необходимым в первый период натаски закрепить стойку и не загромождать понимания собаки чрезмерным разнообразием требований.

В моей брошюре «Как самому натаскать легавую» я пишу, что научить легавую анонсу искусственно нельзя. Но я там имею в виду английскую легавую. Немецкая легавая уже наследует способность к анонсу, и потому самой ничтожной помощи в дрессировке достаточно для того, чтобы она анонсировала. Все время, вплоть до открытия охоты на уток, можно посвящать обучению анонса по тетеревам. Даже более глупая собака научается анонсировать, без сомнения, потому, что способность к анонсу уже заложена в ее крови.

Предварительная натаска на уток не требуется, она совмещается с непосредственной охотой на них. Все дело заключается в том, чтобы дать возможность собаке понять, что, причуяв уток, она должна, вместо того чтобы делать стойки по ним, просто их преследовать, стараясь выгнать на чистую воду, либо заставить их взлететь над камышами, если они уже летные.

Лучше всего начать охоту вдвоем с помощником, который первое время будет стрелком, а дрессировщик должен руководить поиском собаки. Для начала нужно выбрать такое болото, где бы было твердое дно и глубина не превышала одного метра. Обычно это небольшие заросшие озера или заводи, остающиеся после весеннего половодья близ разливающихся рек. Если поблизости такого места нет, то ради натаски стоит поехать и подальше, тем более, что охота может окупиться взятыми утками. Дело в том, что на первый раз дрессировщику необходимо идти следом за собакой, вместе с нею выгонять затаившихся уток на стрелка и в то же время не позволять собаке гоняться зря с целью поймать утку или просто удовлетворить свою страсть. Собака, уже приученная на беляках, к этому особому поиску, называемому немцами «штеберн», быстро начинает соображать те приемы нагона, которые от нее требуются и без которых получается лишь порча собаки. Большинство прежних спортсменов решительно восставали против утиной охоты с английскими легавыми, но я по собственному обширному в этой области опыту давно пришел к заключению, что и английскую легавую можно без всякого для нее вреда приучить к утиной охоте. Она должна только усвоить, что просто гоняться за утками ей строго запрещено, а вменяется в обязанность выгонять уток из камышей и других водяных зарослей на охотника, при чем одни утки выплывают на чистое место, а другие поднимаются на крыло. Через несколько дней такой охоты собака даже пристрастится к утиной охоте, с восторгом будет лазить по камышам и плавать по глубинам, аппортируя всех убитых птиц. Дрессировщику уже не нужно ходить следом за собакой, рискуя попасть на глубокое место, а можно ходить по берегу или ехать на челноке.

Особое внимание нужно обратить на то, чтобы собака разыскивала каждую подбитую утку и даже, в случае нужды, ныряла за нею, так как иногда утки прячутся в корягах под водой. Уроки ныряния в первом году дрессировки тут не пропадают даром.

Если охота на уток является их преследованием по следам, то охота на бекасов не допускает поиска по следу. Многие немецкие легавые страдают чрезмерной склонностью искать по следу даже в тех случаях, когда это неуместно, как, напр., по бекасам, последствием чего нередко является лишь п у с т о с т о й с т в о. Если такая /склонность замечена, то на второй год охоты (нужно обратить серьезное внимание на этот порок и противодействовать ему тем, что собаку отзывают со следа и заставляют искать параллелями, исключительно пользуясь ветром. Нужно добиться того, чтобы легавая работала одинаково хорошо, как по следам, когда это нужно (напр., преследуя сбегавшего косача или раненую серую куропатку), так и непосредственно верхним чутьем при помощи ветра, когда уместен такой прием (напр., на охоте по бекасам, дупелям, перепелам и тем же серым куропаткам и тетеревиным выводкам в первый период охоты, когда они не сбегают}).

Насколько английскую легавую следует специально обучать исканию по следу, так как она предрасположена искать без следа, пользуясь одним ветром, настолько немецкую легавую, предрасположенную искать по следу, нужно обучать поиску без следа.

В связи с поиском по следу, необходимо рассмотреть вопрос о напирании на птицу. Тут нужно различать два момента: напирание, когда охотник находится далеко от собаки и не может стрелять по вылетающей птице, т. е. большой порок, и преследование сбегавшей птицы по пятам вместе с охотником, что является не только достоинством, но иногда и необходимым условием возможности застрелить сбегавшую птицу. Вследствие этого на второй год охоты следует обратить особое внимание на охоту по чернышам и старикам-глухарям. Нужно добиться того, чтобы собака, найдя черныша или глухаря, еще до стойки, подождала бы охотника или, еще лучше, явилась бы к нему с докладом, а затем быстрым темпом повела бы, все время оглядываясь, чтобы убедиться, поспекает ли за нею охотник. При медленной подводке и черныш, и особенно глухарь слетают вне выстрела, да еще непременно за деревом, а при быстрой подводке обычно удается выстрелить, иногда даже из-под стойки. Умная собака при соответственном руководстве со стороны опытного охотника соображает самую суть этого маневра и всегда безукоризненно его выполняет.

В местах, где выводятся вальдшнепы, они любят в течение августа находиться в полосках густых лесных зарослей, расположенных среди полей, так что полоска поля (овса или ржи) чередуется с полоской леса (большой частью березняка или олешня с еловым подседом). В этих полосках иногда, среди дня, попадают и тетерева. Охота производится непременно вдвоем. Один охотник идет с одной стороны полоски, а другой — с другой стороны. Собака пускается по лесной полоске, как это уже описано мною при охоте на бекасов.

При охоте на коростелей и на серых куропаток чрезвычайно важно научить легавую, по знаку рукою, сходить со стойки и забегать птице в тыл, делая затем стойку с противоположной стороны. По слову «пиль» собака выгоняет птицу прямо на охотника. На коростелей только так и можно охотиться с успехом, а выводки и даже стаи серых куропаток таким образом заставляют рассаживаться порознь, так как они разлетаются в разные стороны. Метод обучения рассказан мною более подробно в брошюре «Охота на куропаток» 1.

Так как в настоящее время в европейской части СССР фазан еще не разводится искусственно, то поэтому охота на него может производиться только на Кавказе, в Туркестане и в Приамурском крае. Фазан часто забирается в такие заросли, где охота на него может производиться только с собакой, выгоняющей фазана без стойки и подающей перед этим голос. Идеальной собакой, так сказать, фазаньей собакой является сухопутный спаниэль. Но так как универсальная легавая в значительной степени может заменить спаниэля, то ее легко натаскать и по фазанам. Изложенные методы вполне для этого достаточны, и все дело в непосредственной практике. Если фазана удастся захватить в доступных для стрельбы местах, то он сбегает еще дальше старика-глухаря, и погоня за ним вполне соответствует уже описанной мною охоте на глухарей.

Прежде чем покончить с охотой на птиц, остается еще сказать несколько слов о секундировании и об охоте с двумя легавыми.

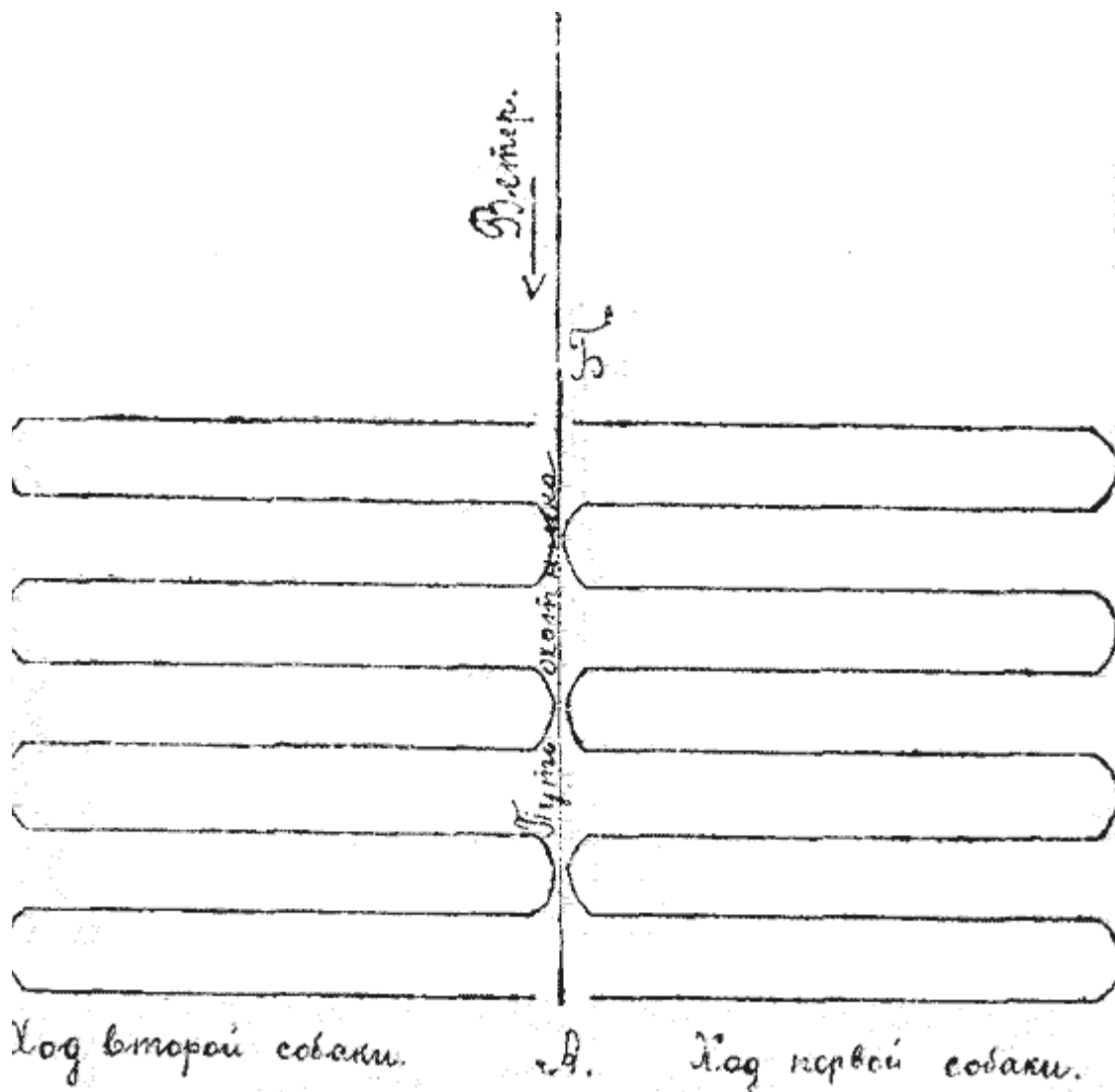
Когда два или несколько охотников в процессе охоты сходятся вместе и в это время одна из собак делает стойку, то остальные собаки, если они хорошо воспитаны тоже должны делать стойку, чтобы не помешать хозяину стоящей на стойке собаке подойти к ней и застрелить птицу. Такая стойка, не по птице, а по стоящей собаке, называется секундированием. Большинство собак сами склонны делать стойку при виде стоящей собаки, однако, лишь на мгновение, а затем, наоборот, стараются проскочить вперед, чтобы не только почуять птицу, но, так сказать, и использовать ее для удовлетворения собственной страсти. Следовательно, дрессировка заключается в том, чтобы, с одной стороны, развить первую стадию инстинкта и, с другой стороны, подавить вторую.

Когда вопрос уяснен, его осуществление обычно уже не представляет особого труда. Большинство охотников плохо дрессирует своих собак не столько от недостатка терпения,

сколько от недостатка понимания того, что именно нужно и для чего это нужно. Хорошие охотники, тонко понимающие охоту, всегда имеют и хороших собак, так как находят способ уяснить собаке требуемое, а собака с своей стороны охотно подчиняется требованию хозяина, вытекающему из существа охоты.

Таким образом, трудность секундирования заключается исключительно в обуздании скверного порока, одинаково присущего как собаке, так и человеку—зависти.

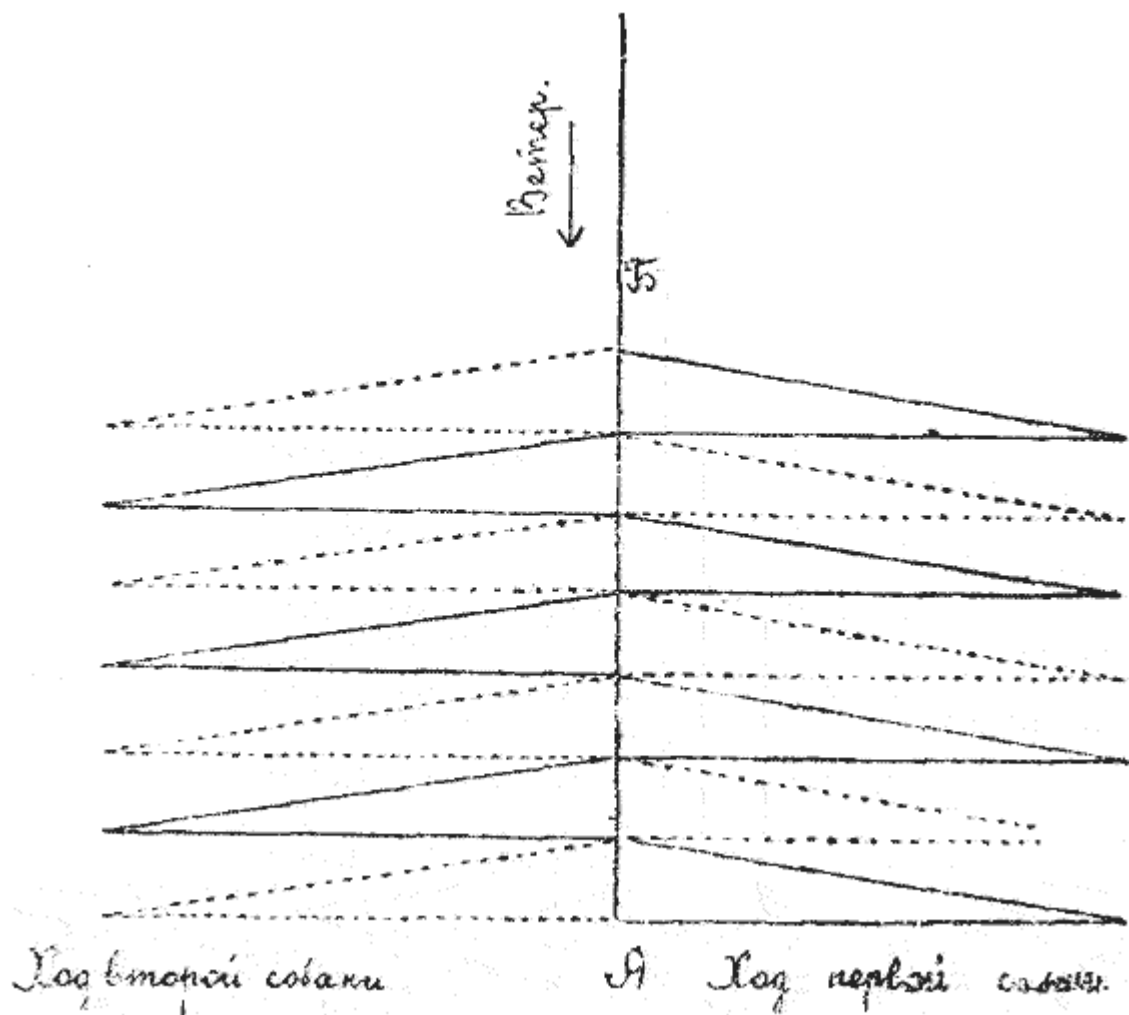
Труднее обстоит дело с приучением двух собак к совместной охоте, т. е. к такому поиску, при котором одна собака обыскивает правую сторону, в то время как другая—левую, и наоборот, при чем одна собака не должна обыскивать тех мест, по которым уже прошла другая. Из такого задания непосредственно следует, что наипростейшим способом является поиск одной собаки исключительно с правой стороны, а другой с левой, по нижеследующей схеме (см. рис. 15).

. 15.

Если предполагают постоянно охотиться с двумя собаками, то собак так и натаскивают. Каждая собака знает свою сторону, держится ее и не обращает внимания на сторону другой собаки. Мне пришлось раз видеть такую охоту по бекасам на открытом трясином болоте. Собаки даже не секундировали одна другой, а все время становились на самостоятельные стойки, так что охотнику оставалось переходить от одной собаки к другой, и стрельба шла беспрерывно.

Однако, такой способ охоты в конечном счете имеет свою слабую сторону. Собака привыкает искать с одной стороны охотника и не умеет правильно искать по обе стороны, когда ей приходится работать в одиночку. Поэтому предпочтительнее работа двух собак по нижеследующей схеме (см. рис. 16).

. 16.

При такой работе, пустых, т. е. необысканных мест, где птица легко может быть пропущена собакой, совершенно не бывает. На перекрестках, где собаки встречаются, в случае стойки одной другая должна ей секундировать. При встречах с другими охотниками это тоже имеет свои преимущества.

Для полноты руководства скажу несколько слов о весьма излюбленной в Германии охоте с легавой на барсука. Охоту производят осенью, перед восходом солнца, когда барсук, ушедший на ночной промысел, возвращается к себе в нору. Само собой разумеется, что прежде всего нужно удостовериться,—живет ли барсук в найденной норе. Это легко выясняется по его следам. Если они недостаточно заметны, то можно взрыхлить землю у отверстий норы и аккуратно заделать землю граблями. На этом взрыхленном кусочке почвы следы ясно видны. Обычно и без этого заметна утоптанная тропа, на которую барсук ежедневно выходит из норы. Убедившись в том, что барсук живет в норе, и выявив все входные отверстия, перед вечером слегка притрушивают почву землей или травой. Затем ночью отправляются к норе с легавой, при свете фонаря удостоверяются в том, что барсук ушел на промысел, и затыкают все отверстия норы. Затем садятся караулить возвращающегося домой барсука, Собака должна смирно лежать у ног хозяина. Для этой охоты имеют большое значение уроки «даун» на расстоянии и при вещах. Лучше всего караулить барсука в лунную ночь, когда луна на ущербе, так как барсук иногда возвращается еще до восхода солнца. Роль собаки сводится к тому, чтобы после выстрела мгновенно броситься на барсука и не дать ему уйти, так как при стрельбе ночью и крепости барсука редко удается убить его наповал. Так как раненый барсук отчаянно защищается от напавшей на него собаки, то поэтому важно, чтобы собака была злобна и вязка. Подоспевший охотник закалывает или пристреливает барсука; без помощи собаки большей частью он успевает скрыться.

Хотя первые уроки подлаивания мелких зверков и глухарей на деревьях универсальная легавая получает еще в первый год дрессировки, но тонкость этой охоты заключается не просто в подлаивании, а в умении следить за зверком или птицей. Даже среди лаек часто попадаются экземпляры, отличающиеся скверным пороком п у с т о л а й с т в а, т. е. облаивания дерева, на котором только что сидел зверь или птица, уже успевшие его покинуть. Особенно белки и куницы любят путешествовать по вершинам деревьев, и, следовательно, задача собаки заключается в том, чтобы следить за ходом зверя, сопровождая его подлаиванием. В то же время иногда зверь так притаивается на суке, что его бывает трудно разглядеть. В таких случаях особенно важно, чтобы не было пустолайства. Раз собака подает голос, значит зверь сидит на дереве, и его необходимо разглядеть.

Только путем постоянной практики молодая собака приучается пользоваться одновременно и чутьем и слухом и зрением, безошибочно следя как за притаившимся на дереве животным, так и провожая его на бегу или прыжках с одного дерева на другое.

Всему этому научиться универсальной легавой несравненно легче на примере хорошей промысловой лайки. Если представляется возможность свести своего ученику к четвероногому учителю, то никогда не следует упускать такого случая.

Заключение

Может быть, дочитав до конца мою книжку, иной разочарованный читатель найдет ее заголовком слишком громким и многообещающим. Не оспаривая такой возможности, я скажу только, что одна утиная охота обычно исключается из сферы деятельности английской легавой, далее подлаивание глухарей и мелких зверков, (и, наконец, охота на зайцев, хотя и частичная, так сказать накоротке, дают право назвать немецкую легавую универсальной. Не следует забывать также, что в Германии она исполняет роль ищейки по разысканию раненого оленя или козы и не ее вина, что у нас, по крайней мере в европейской части СССР, они истреблены, а между тем не только могли бы быть объектом охоты, но и еще пополнены ланью (даниэлем), лосем и северным оленем.

Немцы пробовали воспитывать для универсальной работы и английскую легавую, но к этому опыту отнеслись отрицательно. Однако, я думаю, что постигшая их неудача относится главным образом к работе по раненому зверю в качестве ищейки, да еще к удушению лисиц и барсуков, работе, которой немецкие лесничие придают исключительную важность в их условиях охоты и ее поддержания, но не имеющей значения в наших условиях.

Поэтому, отбросив эту часть работы легавой, я бы посоветовал любителям сеттеров испытать на них изложенный мною способ дрессировки и охотиться с ними по крайней мере на уток и мелких зверков.

Однако, союзам охотников я бы посоветовал приобрести в питомники именно гриффонов и драатхааров, чтобы дать возможность рядовому охотнику пользоваться уже испытанной, спокойной, податливой к дрессировке легавой, передающей по наследству эти превосходные качества. Для наших лесничих и лесников такая собака будет настоящим кладом.